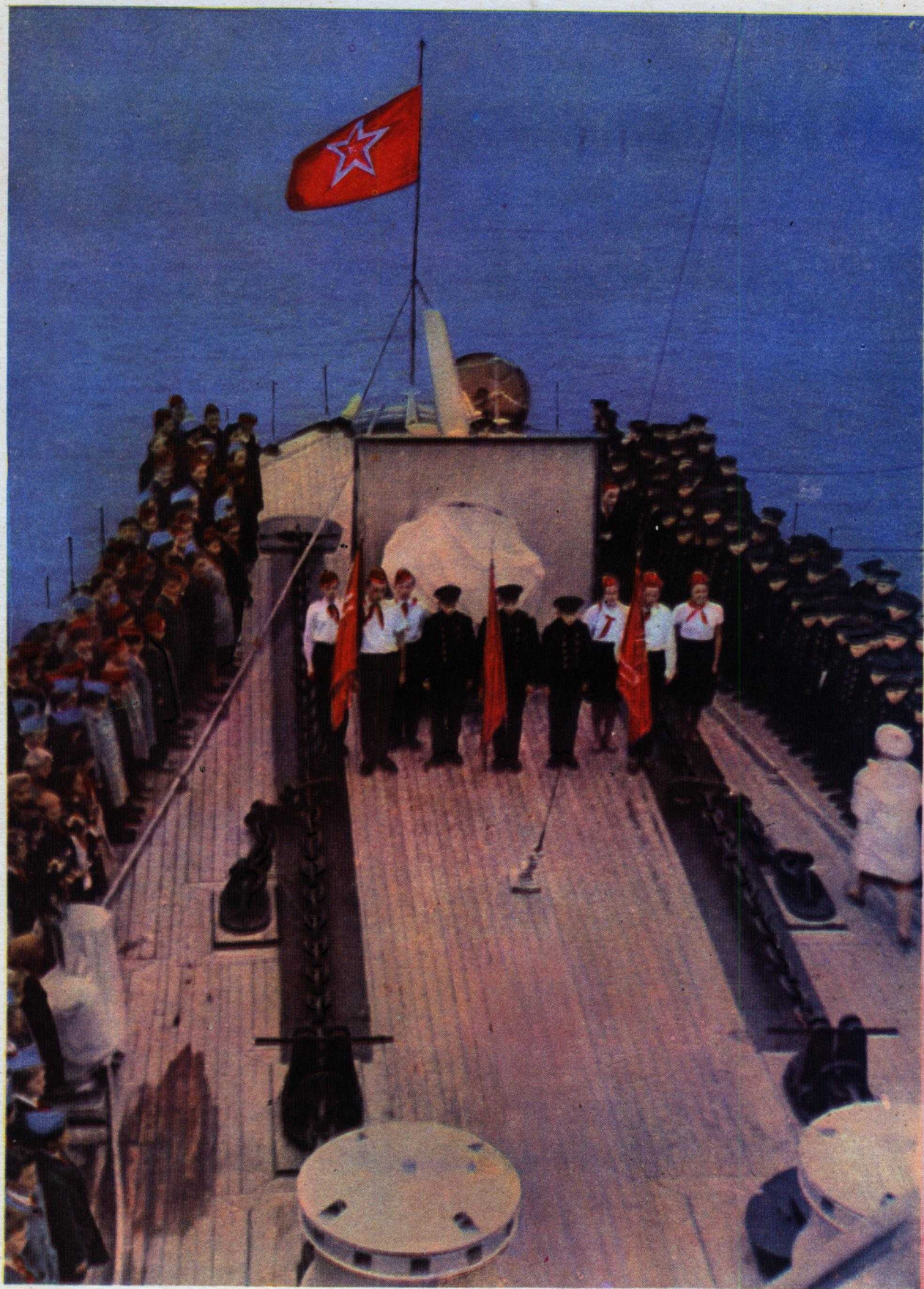

Колосёр

10
ОКТАБРЬ
1965

Пионерская линейка на крейсере „Аврора“

Фото А. Ритова

Костёр

10
ОКТАБРЬ
1965

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Орлёнок

очерк Э. ЗВОНИЦКОГО и А. ШИЛОВА 2

Пионер Володя Панкратов

корреспонденция Б. СЛУЧАНКО 8

Третья дорога

повесть Б. НИКОЛЬСКОГО 9

Северная сказка

И. МИХАЙЛОВА 25

Драгоценный пласт

отчет о командировке Г. УСЫСКИНА 26

Хроника одного дня

документальная повесть А. ПУНЧЕНКА 30

Стихи эстонских поэтов 38

Я самый добрый зверь

очерк Л. ЭФРОСА 39

След в жизни

рассказ И. ВОЙТЕНКО 42

Шутить надо уметь

быль С. МИЛЕЕВА 47

„Саламат паги!“

М. ГОДУНОВОЙ 49

К 70-летию со дня рождения С. ЕСЕНИНА 51

Сказание о Васипевуре

африканская легенда 52

Путешествие за красотой 55

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 57

Можно ли научиться гипнозу

ответ на письмо 58

Школа „Спринт“ 59

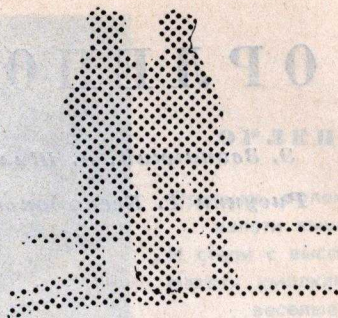
„Уголён“

журнал для малышей 61

Веселый Архивариус 63

Шахматы

ведет Ю. БАРСКИЙ 64

ОРЛЕНОК

Э. Звоницкий, А. Шолов

Рисунки Т. Ксенофонтова

Поэт
Яков Шведов

Композитор
Виктор Белый

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

— Садитесь, Яков Захарович, — пригласил композитор Виктор Белый поэта Шведова.

На ярко освещенной сцене шла репетиция.

— Как раз то действие, которое нам нужно, — прошептал Белый. — А вот и автор пьесы «Хлопчик» Марк Даниель. Знакомьтесь!

Шведов пожал руку невысокому человеку, подошедшему к ним.

На сцене — тюремная камера. Мальчик в разорванной красноармейской форме стоит у окна с решеткой и вглядывается в синее небо. Тут же, в камере, — оборванные, замученные красноармейцы. Все они попали в плен к белополякам и мечтают поскорее выбраться на волю.

— Вот сюда просится песня, — сказал Белый. — Чувствуете, Яков Захарович?

— А знаете, — задумчиво сказал Шведов, — мне эта сцена напоминает картину Ярошенко «Узник». Ее часто в школьных хрестоматиях помещают. А под картиною стихотворение Пушкина «Сижу за решеткой в темнице сырой...»

Репетиция закончилась.

Шведов шел по улице, повторяя только что найденные строчки:

«Орленок, орленок, могучая птица,

Лети ты в далекий мой край,

Там мама-старушка по сыну томится,

Родимой привет передай!»

Через месяц в Московском областном театре профсоюзов была премьера пьесы «Хлопчик», и эти четыре строчки исполнялись со сцены.

Шведов не собирался возвращаться к «Орленку». Но однажды ему позвонил домой композитор Белый.

— А вы знаете, Яков Захарович, поют песню. Выходят после спектакля и поют. Дописывайте песню, обязательно дописывайте!

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

7 июня 1936 года певица Вера Духовская уезжала в Сочи, где должна была выступать с концертами перед отдыхающими. Перед отъездом к ней зашел Белый, занес ноты новой песни.

А уже на вокзале она получила письмо от секретаря ЦК ВЛКСМ: «Уважаемая тов. Духовская! Вы будете выступать в Сочи. Там живет больной и слепой писатель Николай Островский. Навестите его, порауйте своим чудесным искусством. С дружеским приветом Александр Косарев».

Через несколько дней в Сочи Духовская позвонила Николаю Островскому. Прозвучал бодрый, жизнерадостный голос Николая Алексеевича:

— А, товарищ Духовская! Привет! Все мои родные уже были на ваших концертах. А я слышал только по радио. Так когда вы приедете?

— Когда скажете, Николай Алексеевич!

— Вот и чудесно. Завтра сможете?

— Да, конечно...

— Тогда часа в три за вами заедет машина.

Как и было договорено, к гостинице, где жила актриса, на другой день подъехал автомобиль. Вел машину брат Николая Алексеевича — Дмитрий.

Среди зелени промелькнул белый двухэтажный дом. Машина остановилась во дворе. На пороге стояла мать Островского. Она улыбнулась и протянула руку артистке:

— А мы вас ждем. Коля сейчас на веранде, идемте туда.

На высокой кровати лежал человек в защитной гимнастерке с малиновыми ромбами и орденом Ленина.

Только теперь Вера по-настоящему поняла, как тяжело этому человеку не видеть ни синего моря, которое шумит почти рядом, ни красивых кипарисов, ни прекрасных роз посреди большой клумбы, разбитой на дворе.

На веранде собрались все домашние. Сюда же выкатили пианино.

— Я хочу вам исполнить новую песню. Ее еще никто не слышал.

— Пожалуйста, Вера. Как название этой песни?

— «Орленок».

Солнце уже совсем зашло. В сумерках неясно белело лицо Островского, забыли про свои дела и его домашние, очарованные песней.

— Песню обязательно будут петь, — задумчиво сказал Островский. — Только пусть она станет известной народу. Исполняйте ее почаще, Вера.

Через несколько месяцев Островского не стало. Вера шла за его гробом до Новодевичьего кладбища и долго стояла возле свежего могильного холмика.

А вечером, выступая на концерте, посвященном памяти Островского, она снова запела «Орленка».

С тех пор эта песня, завещанная ей Островским, идет с ней все долгие годы.

ПЕВЕЦ УМИРАЕТ СТОЯ

Певец Александр Окаемов в 1941 году пошел на фронт в составе Краснопресненского ополчения. Через несколько месяцев он пропал без вести. Восемнадцать лет о его судьбе не было ничего известно. И только совсем недавно розыски, проведенные Михаилом Мельниковым, директором краеведческого музея г. Кричева в Белоруссии, помогли проследить судьбу Александра Окаевова.

...В тот день артисты ансамбля, которым руководил Окаемов, ехали с концертом в распоряжение энской воинской части.

Николай Алексеевич Островский

ОРЛЕНОК

Орленок, орленок,
взлети выше солнца
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли
веселые хлопцы,
В живых я остался
один.

Орленок, орленок,
блесни опереньем,
Собою затми белый
свет.
Не хочется думать
о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчи-
шеских лет.

Орленок, орленок,
гремучей гранатой
От сопки солдат
отмело.

Меня называли
орленком в отряде,
Враги называют орлом.

Орленок, орленок, мой
верный товарищ,
ты видишь, что я
уцелел,

Лети на станицу,
родимой расскажешь,
Как сына вели
на расстрел.

Орленок, орленок,
товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат
комсомольцы-орлята,
И жизнь возвратится
ко мне.

Орленок, орленок, идут
эшелоны,
Победа борьбой
решена.
У власти орлиной орлят
миллионы,
И нами гордится страна.

Грузовик на полном ходу влетел в незнакомое село. Вдруг резкий окрик: «Хальт!» Автоматная очередь. Взрыв баллона — грузовик полетел в кювет. Окаемов откинуло от машины на несколько метров. К месту взрыва уже бежали фашисты...

Утро в лагере началось с тягучих ударов по рельсу. Начинаясь переключки. Хлебали бурду, потом пленных гнали работать. Они должны были восстановить разрушенный Кричевский цементный завод.

Окаемов и его друг Лузенин долбили ломами пол в цеху. Выбрав момент, когда отошел надзиратель, Окаемов снял шестерню с токарного станка, быстрым ударом лома отбил несколько зубьев и поставил их на место. Оглянувшись, не видел ли кто, и встретил пристальный взгляд худощавого человека в замасленном комбинезоне.

Вечером незнакомец встретился им на выходе из столовой.

— Осторожнее надо быть, — тихо сказал он.

— Вы о чем?

— Да все о том же. Про шестерню. То-то.

Так познакомились друзья с Николаем Кулешовым.

Однажды в лагерь пришел поп из самой большой городской церкви. Пришел он по разрешению коменданта набрать группу певчих.

Окаемов, Лузенин и Кулешов вызвались петь. Их поместили в маленьком домике на Замковой горе. В будни они работали на попа: пилили дрова, возили воду, ухаживали за деревьями в его саду. А в воскресенье — пели на клиросе.

Однажды друзья явились к бургомистру с просьбой: нельзя ли им организовать самодеятельный хор.

— Хор? — толстый бургомистр с отвисшими щеками и багровым лицом оглушительно засмеялся. — А для кого петь будем?

— Можем концерт дать для господ офицеров и солдат. Ну и для народа, если позволите.

— Ну что же, я согласен. Но при одном условии. Половина сбора идет в пользу городской управы. Понятно?

...Лузенин осторожно выглянул из-за занавеса — немцев мало, а главное, нет полицаев.

Хор пропел несколько песен. Потом Лузенин сел за рояль, а Окаемов, как был, в ватнике и обмотках, вышел на сцену. Он запел арию Игоря. Его голос потрясал маленький зал: «О дайте, дайте мне свободу, я Русь от недруга спасу».

Становились мягче жесткие лица людей, туманились глаза, и казалось, что уже совсем недалек тот день, когда настанет освобождение. А Окаемов пел «Сусанина», «Эй, ухнем», «Ермака». А под конец самую заветную — «Орленка».

Немец из комендатуры озадаченно завертел головой, увидев на глазах людей слезы:

— Что есть эта песня? — спросил он переводчика.

— Это про птицу, которая летает в небе, — поспешил объяснить переводчик — обрусевший немец из Прибалтики.

Александр Окаемов с пионерами. 1940 г.

— О, зер гут, зер гут. Никогда не думал, что у этих русских такие сентиментальные сердца.

... Пришла беда. Поп нашел спрятанные в церкви листовки и заявил об этом в гестапо. Всех певчих арестовали.

— Где партизаны? С кем связаны в Кричеве? Через кого распространяли листовки?

От дороги, где остановилась черная тюремная машина, всего несколько десятков метров. Босые ноги оставляют кровавый след на снегу. Позади и по бокам, отворачиваясь от пронзительного ветра, идут эсэсовцы.

— Последние пять минут на размышления, — кричит офицер. — Откроете явки — сохраним жизнь.

Окаемов и Лузенин стали рядом у края своей могилы.

Собрав последние силы, Окаемов запел «Орленка»: «Лети на станцию, родимой расскажешь, как сына веди на расстрел...»

Прозвучали пулеметные очереди.

Поэту Якову Шведову и композитору Виктору Белому приходит много писем от пионеров и школьников. Во многих письмах сообщаются новые интересные данные, связанные с песней «Орленок».

Однажды пришло письмо от бывших солдат 13 гвардейской дивизии, которой командовал Герой Советского Союза полковник Родимцев. Солдаты рассказали, что в их подразделении служил юноша-разведчик Попов-Печер, родом из Архангельска. Друзья-разведчики называли его «сыном» и «пастушком». Уходя на разведку во вражеские тылы, он одевался в поношенную одежду, через плечо перекидывал пастушескую суму и в таком виде уходил в тыл врага на 150—180 километров. Однажды из очередной разведки он принес в своей холщевой суме папку с важными штабными документами, добытую во взорванной им штабной машине, где ехали немецкие офицеры.

— Не парень — орленок, — восхищенно вырвалось у комдива Родимцева.

Так и стали звать паренька орленком. А в разведроту, где служил Попов-Печер, солдаты, после награждения юного разведчика орденом Ленина, дописали к «Орленку» свои слова, и получилась целая поэма, рассказывающая о подвигах молодого бойца. В 1943 году Попов-Печер не вернулся с задания. Что стало с отважным орленком? Попал ли он в плен, или был убит, или, быть может, судьба и на этот раз выручила его? Никто не знает.

Несколько лет Яков Захарович переписывался с пионерами Урала. Вот что они сообщили.

В городе Челябинске на одной из центральных площадей стоит памятник, который носит название «Орленок».

В 1963 году пионеры из Магнитогорского пионерского лагеря строителей были в альпинистском походе и открыли новую вершину. Ее называли «Орленок».

А совсем недавно, когда Шведов был в творческой командировке в Целинограде, ему показали только что вышедший, еще пахнущий типографской краской номер газеты «Орленок» — приложения к газете «Молодой целинник».

Так могучие крылья песни несут ее через годы.

Пионер Володя Панкратов

Б. Случанко

Рисунки Г. Праксейна

На Старокарantinской скале под Керчью стояла стрелковая часть. Однажды к командиру части явились трое в пилотках и, отдав честь, сказали:

— Товарищ командир, примите нас добровольцами. Будем делать все, что прикажут.

Командир неохотно оторвался от карты, потом улыбнулся:

— Малы еще, учиться бы вам надо. Да вот время-то какое...

Увидев, что мальчики искоса поглядывают на блестящий фотоаппарат, висящий у него на плече, командир добавил:

— Взять вас к себе не могу, а сфотографировать — пожалуйста.

Так появился на свет этот маленький снимок. Неизвестный командир отпечатал его прямо в катакомбах в размер кадра — увеличителя под рукой не было.

А через несколько дней в Керчь ворвались фашисты.

...Старая пожелтевшая фотография. Она сломалась пополам, и хозяин заботливо наклеил ее на картон. Мы рассматриваем снимок через уве-

личительное стекло. Вот они, трое керченских пареньков, неразлучные друзья. В центре, держа в руках бутылку с горючей жидкостью, сидит Володя Панкратов. Слева от него — Коля Мущенко, справа — Павлик Бунин.

Коля остался в живых. Это он, теперь уже Николай Семенович Мущенко, прислал нам в редакцию старую военную фотографию и рассказал о жизни и смерти своего друга — пионера Володи Панкратова.

* * *

Первыми встретили немцев у Карантина мальчишки. Засев между камней у выхода из Старокарantinской шахты, они долго задерживали наступление, стреляли по движущимся между холмов немецким автоматчикам. Где они раздобыли винтовки? В те дни это было, конечно, безрассудным мальчишеством, но так было...

Когда Володя прибежал домой, мать снимала со стены портреты своих первенцев, пропавших без вести в самом начале войны. Екатерина Андре-

евна всплеснула руками, увидев вымазанное в глине лицо сына. Ничего не объяснив матери, не умываясь, он полез на чердак и спрятал между стропилами принесенный из красного уголка флаг.

Утро следующего дня было холодным и тоскливым. В воздухе носились бумажки, вылетевшие из окон разграбленных учреждений, на земле валялись пестрые этикетки от незнакомых папирос.

По рабочему поселку ползли тревожные слухи: забрали одного коммуниста, за ним другого. Дошла очередь и до ребят. В полицию их привел сын бывшего кулака Поляков.

— Вы стреляли из лазов? — начал он допрос.

— Нет, — сказал Володя.

Их повели в подвал, на цементный пол налили воды и стали добиваться признания. Ледяная вода шипала ноги, друзья прижимались друг к другу, а когда их стали избивать, Володя Панкратов крикнул:

— Продажные шкуры! Наши вернутся, покажут вам!

И, словно в подтверждение его слов, сверху донесся гул самолетов. Задрожала земля. Это советские летчики бомбили Карантин.

— Господи, — взмолился Володька, — хоть бы одну сюда, чтоб этих сволочей покорежило...

На другой день, так ничего и не добившись, полиция отпустили ребят. Родители дали подписку, что по утрам мальчики станут отмечаться в полиции, а ночевать будут только дома.

Оккупанты заставили жителей поселка собирать у скал разбитую технику. Погнали на работу и ребят. Володька подмигнул друзьям: я им насобираю...

Мальчики занесли в штольню станковый пулемет, спрятали в темных отсеках автоматы и оцинкованные ящики с патронами. Попались им шелковые мешочки с порохом. Володька распорядился:

— Тащи в кучу!

Так и сделали. А часть разложили — один к одному — от кучи оружия до входа в штольню. Володька поджег конец этого своеобразного фитиля. «Ложись!» Огромной силы взрыв потряс воздух.

Опять поволокли ребят в полицию, опять били, особенно, Володьку. А тот все божился, что брошенная в кучу оружия винтовка сама выстрелила, а потом, мол, стали рваться патроны...

И на этот раз обошлось — выпустили.

Как-то втроем мальчики занялись чистить танки, стоявшие на выезде из Карантина. Когда, получив за работу по сигарете, отправились домой,

Володька остановил друзей за поворотом.

— Погодите, я там прицепил одну...

— Чего прицепил?

— Сейчас услышите. Спрячьтесь здесь...

Он кивнул на расщелину в скале. Сам остался наблюдать.

Не прошло и получаса, кто-то из немецких танкистов

флаг. Значит, снова облавы и аресты...

В эти дни началось наступление наших войск. Советские десантники с боем брали берега. В дыму горевших бензохранилищ появились на улицах наши моряки.

Фашистам удалось удержать город. В октябре 1943 года они стали угонять в Германию и взрослых и детей.

Тогда Володя Панкратов ушел в каменоломни, ушел с группой, командиром которой стал краснофлотец Кузьма Мухлынин. Детство кончилось. Началась юность.

В конце октября отряд приступил к регулярным боевым операциям. Бывшие камнерезчики, металлурги, строители внезапно появились перед врагом, нападали на транспорты, идущие из Керчи в Камыш-Бу-

рун, а когда советский десант высадился в Эльтигене, ударили в тыл фашистам.

В ноябре погиб Кузьма Мухлынин. Фашисты блокировали каменоломни, заминировали входы, заложили их камнем. Тогда-то и проявил свою смелость и смекалку партизанский разведчик Володя Панкратов. Он знал место, где пересекались штольни Старо-Партизанской и Ново-Карантинской каменоломен. Именно там Панкратов предложил произвести взрыв. Сначала с ним не согласились: взрывчатка была на исходе, ее берегли. Но когда, рискуя жизнью, Володя взорвал фугас и открылся проход в Старо-Карантинскую шахту, все оценили решительность юного разведчика. Партизаны получили несколько десятков неизвестных

Вот она — фотография, сделанная в катакомбах неизвестным командиром. Ее увеличил наш фотокорреспондент Л. Бернштейн

В центре Володя Панкратов

включил мотор и тронулся с места. Раздался грохот. Танк остановился. Немцы засуетились у развороченной миной гусеницы, побежали к санитарной машине.

— Айда! — крикнул Володька.

Остановились в ближайшем ущелье. Володька прислушался: погони не было. Он посмотрел на товарищей и улыбнулся. Вот точно так же он улыбается и сейчас с маленькой фотографии — своей озорной белозубой улыбкой...

Володькиной мечтой было вывесить красный флаг на крыше немецкого штаба. Но как это сделать? Днем и ночью часовой — руки на автомате — ходит вокруг дома.

Однажды утром по всему Камыш-Буруну и Старому Карантину пронесся слух, что фашисты сняли со стены красный

врагам лазов и могли продолжать борьбу.

Фашисты направили в район каменоломен карательный отряд. Свыше батальона солдат при поддержке минометов штурмовало партизанскую крепость. Потом прикатили пушку и стали обстреливать скалу. Через один из тайных лазов партизаны выбрались наружу и уничтожили оружие. Тогда

этому времени он был уже командиром разведки, по сути дела — одним из руководителей отряда. Ему шел тогда семнадцатый год.

Вот что рассказал уже после войны член отряда полковник Нестеров: «Владимир никогда не хвастался своими заслугами, не кичился своим положением командира разведки, держался просто, найден-

да Володя Панкратов должен был провести через линию фронта группу бойцов и партизан. Володя выполнил задание и возвращался в отряд, но на обратном пути попал в засаду.

Связанного, избитого, его привели к матери.

— Твой?!

— Нет, — сказала она, глядя прямо в глаза сыну. ...Есть на Керченском полуострове станция Семь Колодезей. Когда-то она прославилась тем, что в ее семи колодезях нельзя было попить воды иначе, как заплатив вознаграждение жадному хозяину.

А еще с этим местом связана легенда о партизане. Рассказывают, что семнадцатилетний паренек пробрался в лагерь советских военнопленных. Одну за другой открывал он двери барачных и шептал:

— Ребята, выходите!

И когда из барачных стали выбегать пленные, охранники подняли тревогу. Паренька схватили, связали, бросили в карцер. Он молчал и плевал в лицо своим мучителям. Его выводили на мороз и обливали водой, его пытали и требовали сведений об отряде...

Герой молчал, леденев на ветру. Тогда фашисты повесили его и бросили тело в один из колодезев.

В народе говорят, что паренька звали Володей, что был он помощником командира партизанского отряда.

Эти мальчишки живут в Керчи на улице имени Володи Панкратова. Николай Семенович Муценко рассказывает им о своем боевом друге.

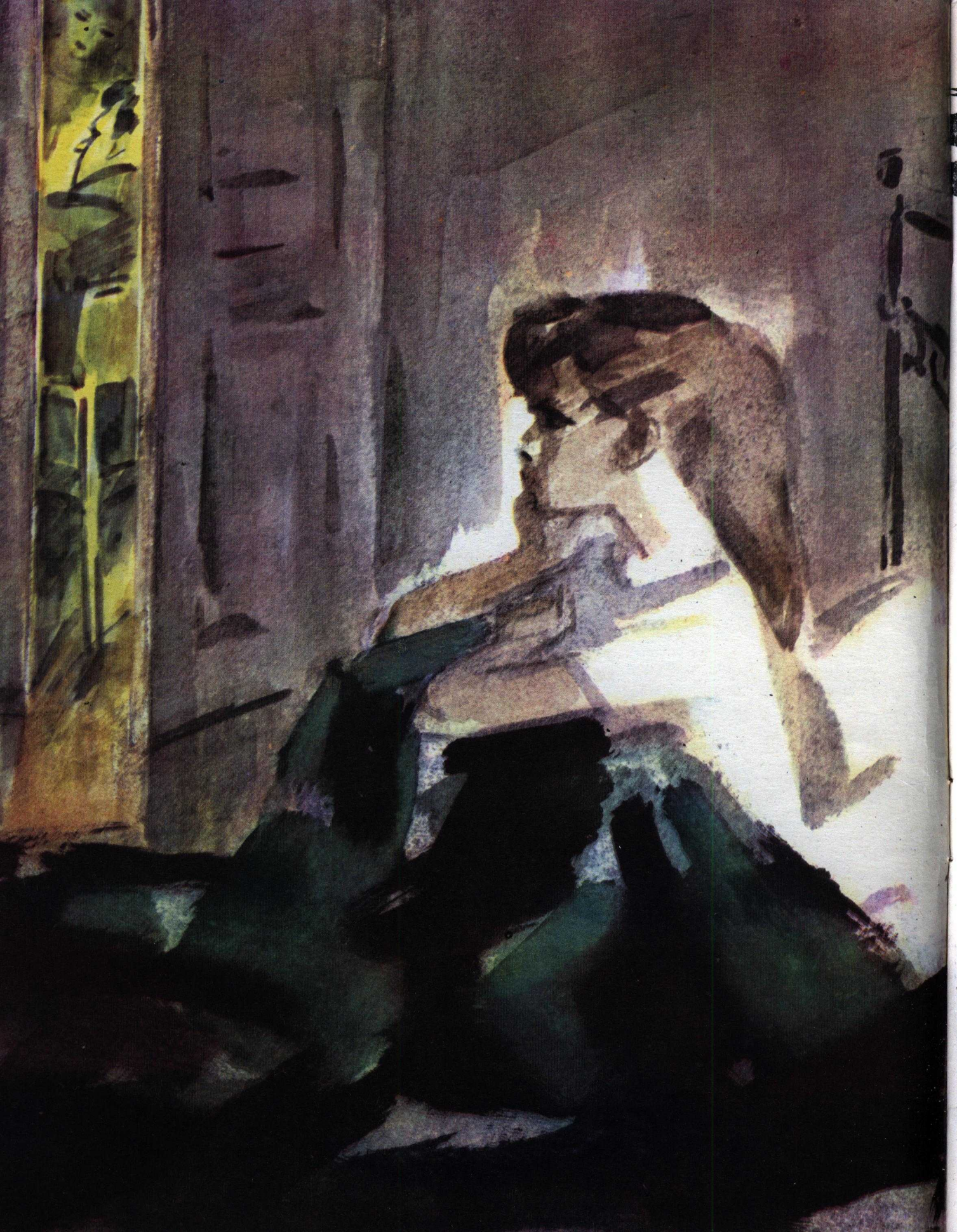
враги прекратили атаки, поставили у лазов часовых и сторожевых собак. Началась блокада.

Партизанам пришлось нелегко. Не хватало продуктов, воды. Володя Панкратов и здесь проявил стойкость. К

ную воду всегда отдавал товарищам, хотя его самого постоянно мучила жажда. Мои советы выслушивал внимательно и, хотя порой горячился, немедленно старался исправить ошибку».

В середине февраля 1944 го-

ТРЕТЬЯ ДОРОГА

ПОВЕСТЬ

Борис Никольский

Рисунки Н. Кустова

В этот день дежурной была Инга Макарова. На большой перемене девочки выгнали в коридор мальчишек и заперлись в классе. Инга показывала, как танцуют твист.

Она умела танцевать все танцы, эта Инга, она лучше всех в классе крутила хула-хуп. Казалось, она стоит неподвижно, а обруч сам летает вокруг нее, словно привязанный. Жаль, что за хула-хуп не ставили отметок, а то Инга по всем предметам не выползала из троек.

— Ну что ж, — говорила она, — если у меня такие ограниченные способности, не могу же я надрываться. Вон у нас в квартире соседка два института закончила, а потом туберкулезом заболела. Подумаешь — радость!

Еще Инга собирала фотографии известных киноартистов. Правда, в классе многие девочки увлекались этим, но ни у кого не было такой богатой, такой разнообразной, такой великолепной коллекции, как у Инги. И все новые модные песенки, и новые танцы она всегда узнавала самая первая.

Девочки оттащили учительский стол к окну и, усевшись кто на столе, кто на партах, следили за каждым движением Инги. Время от времени мальчишки барабанили в дверь: им, конечно, не терпелось посмотреть, что делается в классе.

— Не ваше дело! Секрет! Много знать будете — скоро состаритесь! — весело визжали в ответ девочки.

Им очень нравилось злить мальчишек. А то вечно говорят, что девчонки — любопытные, а сами теперь небось изнывают в коридоре от любопытства.

Неожиданно кто-то застучал особенно сильно. Швабра, просунутая как засов в дверную ручку, запрыгала и накренилась — вот-вот выпадет.

— Эй, открывайте! Важное сообщение! — это был голос Гены Федосеенко.

— Так тебе и поверили!

— Смотри, какой умный!

— Да не обращайтесь, девочки, внимания...

— Открывайте же! Слышите! Честно говорю!

Глава шестая

В этот момент зазвенел звонок, пришлось быстренько передвинуть учительский стол на место и открыть дверь.

Мальчишки ворвались в класс, подозрительно оглядываясь по сторонам, стараясь догадаться, что же здесь происходило.

Но девочки уже как ни в чем не бывало мирно сидели за своими партами.

— Ребята! — закричал Генка, забираясь на парту и размахивая газетой. — Смотрите, что написано!

Он развернул газету и начал читать:

— Как сообщает корреспондент агентства Ассошиэтед пресс, в Южной Африке готовится еще одна расправа... На днях здесь был арестован видный борец за свободу Африки Пьер Мизонго...

В классе наступила тишина.

— Его обвиняют в том, что он нелегально выезжал в страны социалистического лагеря. Пьеру Мизонго угрожает смертная казнь. В настоящее время во всех странах свободной Африки проходят митинги протеста. Жизнь мужественного борца должна быть спасена.

Генка спрыгнул с парты. В классе было тихо, так тихо, что, открыв дверь, Семен Борисович даже застыл на пороге:

— В чем дело?

И тогда закричали, зашумели все разом.

— Семен Борисович, его арестовали!

— Семен Борисович, наш негр...

— Семен Борисович, его же убьют!

— Да объясните мне толком, в чем дело!

Генка протянул ему газету.

— Да-а... — сказал Семен Борисович. —

Да-а... Не знаю даже, чем мы можем помочь...

Он задумался, и ребята снова затихли.

— Не знаю... Хотя вот что, — его мохнатые брови шевельнулись. — Давайте пошлем телеграмму. Даже две телеграммы. Одну, конечно, их правительству... А другую, я думаю, в комитет солидарности стран Азии и Африки...

— Правильно!

— Вот здорово! А примут?

— Примут. Почему же не примут? Должны принять...

— А как подпишемся?

Окончание. См. «Костер» № 9, 1965 г.

— Так и подпишемся: такой-то класс такой-то школы, как есть...

Весь урок ребята сочиняли текст телеграммы. Потом собирали деньги. А после уроков Таня, Генка и Зина Котова пошли на почту. Тане все-таки не верилось, что телеграмму примут. Правда, она не раз слышала по радио и читала в газетах эти слова «телеграмма протеста», но ей казалось, что такие телеграммы посылают какие-то особые люди, а оказывается, каждый может? Почему же тогда все люди не торопятся сейчас на почту, почему так спокойно читает газету вот этот толстый мужчина в зеленой шляпе, и почему с такими беззаботными лицами стоят эти женщины на автобусной остановке, и почему смеются те два парня

возле пивного ларька? Разве они ничего не знают? Ничего не слышали?

На почте девушка долго читала текст телеграмм, потом ушла с ними в соседнюю комнату, но, вернувшись, ничего не сказала, только с интересом посмотрела на ребят и выписала квитанцию, и все.

Тане даже жутковато стало от мысли, что вот так просто, оказывается, можно отправить телеграмму, кому захочешь и куда захочешь, хоть в Австралию.

Ребята вышли на улицу. Постояли немного возле почты. Расходиться им не хотелось. Но делать больше было нечего.

Домой Таня и Генка возвращались опять вместе, как раньше. Они шли рядом, не торо-

пясь, чуть касаясь друг друга локтями, как ходят люди, только что выполнившие сообща трудное и важное задание.

— Представляешь, сколько телеграмм придет! — говорил Генка. — Ты думаешь, мы одни послали? Как бы не так! Со всего мира! Они испугаются и освободят его!

Весь этот день ощущение важности, необычности выполненного дела не покидало Таню. Первый раз в жизни она с таким нетерпением поглядывала на радиоприемник — ждала последних известий. Ей казалось, что сегодня, обязательно сегодня же сообщат, что Пьер Мизонго освобожден. А то, может быть, еще и про их телеграмму скажут — вот будет здорово!

Вечером мама читала книгу, забравшись с ногами на диван, отец решал шахматную задачу из календаря. Вообще, отрывая утром календарный листок, папа никогда не выбрасывал его, не прочитав. Полезные советы или коротенькие смешные истории он читал вслух. А когда попадалась шахматная задача или кроссворд, он оставлял листок до вечера.

Обычно в такие вечера Таня любила пристроиться на диване рядом с мамой, прилечь, пригреться возле нее и потихоньку заглядывать в мамину книгу — это куда интереснее, чем читать свою, взятую в школьной библиотеке... Но сегодня Таня сидела перед радиоприемником и терпеливо слушала, сколь-

ко стали сверх плана выплавить металлургии Запорожья, и как соревнуются друг с другом нефтяники Каспия, и что за новая выставка открылась в Русском музее...

Наконец, диктор перешел к зарубежным новостям. Волнения в Сайгоне... Забастовка в Аргентине... Де Голль вылетел в Лондон...

«Ну вот сейчас скажет... Сейчас...»

Голос диктора звучал ровно, спокойно.

— Как сообщает корреспондент агентства Ассошиэтед пресс, сегодня днем трибунал приговорил Пьера Мизонго к смертной казни. Пьер Мизонго помещен в камеру смертников. В странах Африки...

В комнате ничего не изменилось. Мама по-прежнему читала свою книгу. Папа в задумчивости трогал себя за ухо, склонившись над шахматной доской.

«Пьер Мизонго помещен в камеру смертников...»

Таня вдруг ясно увидела его лицо с печальными, усталыми глазами и обострившимися скулами, его худые, словно детские, руки. вспомнила, как рисовал он в блокноте веселый кривой земной шар и маленькую ракету возле него, как рисовал вопросительный знак, и ребята радостно кричали в ответ: «Скоро! Скоро!»

«Неужели его не спасут? Неужели никто не спасет его?»

— Слушай, Таня, я знаю, куда уехал мой брат. Хочешь, я расскажу тебе? Только это большая тайна, ты никому не должна рассказывать. Понятно? Тогда слушай внимательно...

Они сидели вдвоем в квартире у Федосеенко, в своем любимом углу, возле окна, где стоял небольшой Генкин стол, где на стене, на гвоздике висел паяльник и рядом наушники, а на полке в коробочках хранились радиодетали... Генка, как обычно, устроился на подоконнике, поставив ноги на батарею отопления, подтянув колени к самому подбородку.

— Только слушай внимательно, и не перебивай, и не удивляйся...

На улице уже темнело, но Генка не зажигал свет, и в комнате стоял сумрак.

— Тюрьма, куда привезли Пьера Мизонго, была расположена на самой окраине города. Это была самая большая и совсем новая тюрьма, оборудованная по последнему слову техники. Ее высокие стены были опутаны колючей проволокой и каждого, кто прикасался к этой проволоке, моментально убивало током. На вышках днем и ночью дежурили часовые

Глава седьмая

со спаренными пулеметами. Лучи прожекторов постоянно освещали тюремный двор. А в воротах было сделано особое электрическое устройство — стоило только повернуть ключ в замке, как сразу начинала выть сирена и звенели звонки у начальника тюрьмы и у начальника охраны, и у всех других начальников... Вот какая это была тюрьма!

Каждое утро и каждый вечер два черных тюремщика, два черных охранника в касках, надвинутых на самые глаза, вели Пьера Мизонго на допрос.

И каждое утро и каждый вечер они отводили его назад в камеру, избитого и окровавленного.

Допрос вел белый человек, начальник полиции.

«Назови своих друзей, — говорил он Пьеру Мизонго, — расскажи нам, где они скрываются, и ты будешь свободен. Ты даже получишь деньги, правда, небольшие деньги, но все же деньги».

Но Пьер Мизонго молчал. Он даже не смотрел на этого человека. Он смотрел на своих

черных конвоиров, смотрел на них с презрением и жалостью. Он знал, что эти люди, так же, как и он, родились в бедных хижинах и бегали босиком, и голодали, и боялись каждого белого — так почему же они теперь стали тюремщиками, охранниками, конвоирами? Почему теперь с такой важностью держат они автоматы? И конвоиры угадывали это презрение в его взгляде, и потому били его особенно жестоко... Били на глазах у белого начальника, чтобы заставить говорить.

Но он молчал. Он не говорил ни слова.

На третий день его отвезли в суд.

В зал суда никого не пустили, — повсюду стояли полицейские.

«Пьер Мизонго, — спросил толстый судья, — Признаешь ли ты себя виновным в преступной деятельности?»

Пьер Мизонго поднял голову. После пыток он едва держался на ногах. Но сейчас он собрал все силы.

«Если борьбу за свободу вы считаете преступлением, — сказал он гордо, — если борьбу за то, чтобы белые и черные были равны, вы считаете преступлением, то да, я признаю себя виновным в таком преступлении».

«Он признался! — закричал судья, обращаясь к пустому залу. — Вот видите, он признался!»

А Пьер Мизонго только улыбнулся и не сказал ничего больше.

Приговор он выслушал спокойно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда судья произнес: «Смертная казнь».

Его увезли назад, в тюрьму, но поместили уже в другую камеру, камеру смертников. Это была просторная, светлая камера — сквозь решетку небольшого окна хорошо было видно голубое небо, и птицы в небе. В этой тюрьме смертников специально помещали в такие камеры, чтобы им еще сильнее хотелось жить, чтобы еще страшнее было умирать...

Пьер Мизонго опустился на железную койку. Он не заметил, как наступил вечер и в камере стало совсем темно. Он думал о своей жизни и о друзьях, которые остались на свободе, и о том, что у него теперь впереди только одно единственное дело — умереть достойно...

И ни он, ни охранники, что стояли на своих вышках, ни начальник тюрьмы, который, отдыхая, курил в своем кабинете толстую сигару, никто не знал, что над тюрьмой кружит вертолет. Это был совсем особенный, бесшумный вертолет. Правда, одному из охранников показалось, будто какая-то тень скользнула по его лицу, но он подумал, что это пролетела

ночная птица или промчалась мимо летучая мышь...

Уже наступила ночь, темная африканская ночь, и лучи прожекторов шарили по двору тюрьмы и по стенам.

А тем временем вертолет так же бесшумно застыл над крышей и по веревочной лестнице из него спустились два чернокожих человека.

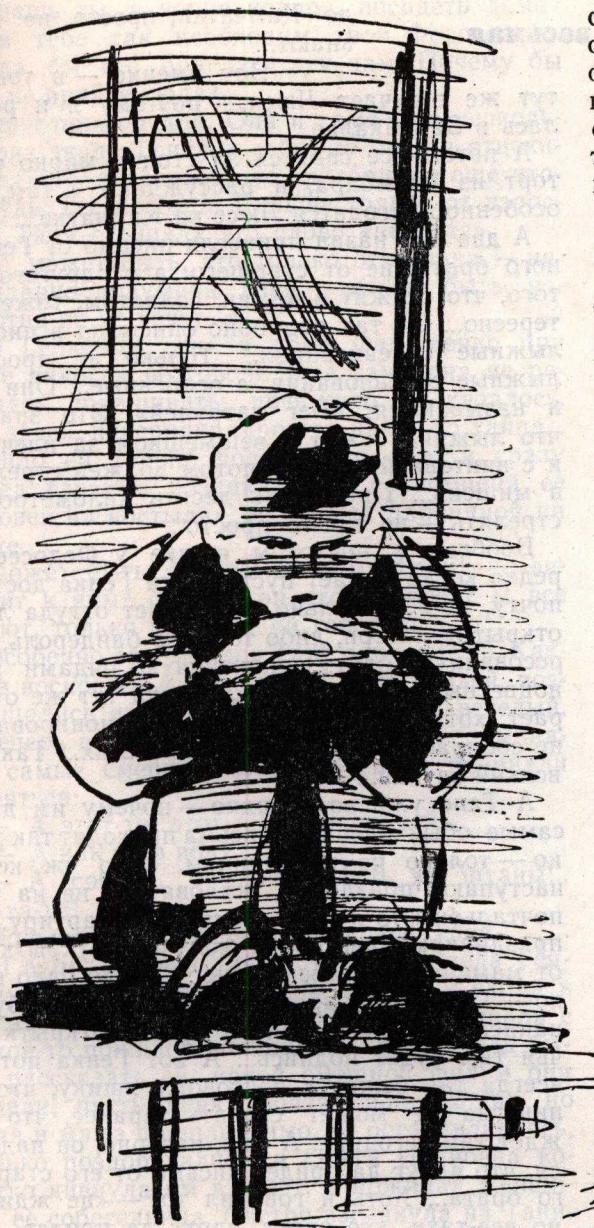
«Вот здесь!» — сказал один из них.

«Быстрее!» — сказал другой.

И оба принялись за работу.

Пьер Мизонго вздрогнул, когда услышал какой-то легкий скрежет. Он поднял голову и увидел, что в потолке камеры появилось небольшое отверстие...

Через несколько минут Пьер Мизонго уже поднимался по веревочной лестнице в вертолет.

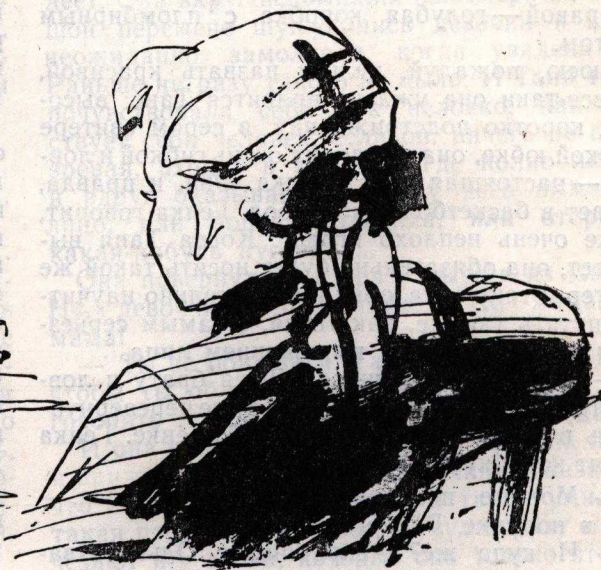

стояла напряженная тишина. Но вот граница осталась позади, и тогда летчик обернулся — он был белолицым и светловолосым — и весело подмигнул Пьеру. И Пьер Мизонго, хотя совсем ослаб от побоев в тюрьме и от пережитого волнения, все-таки тоже улыбнулся в ответ.

«Кто это?» — тихо спросил он своих чернокожих спутников.

«Наш друг, — ответили те, — Николай Федо-се-ен-ко».

А тюремщики, и полицейские, и солдаты в касках, надвинутых на самые глаза, в бес-

А когда, наконец, спохватились охранники, когда зазвенели звонки в кабинете начальника тюрьмы, и в кабинете начальника охраны, и в кабинете начальника полиции, когда во дворе завывала сирена и залаяли сторожевые собаки, и заметались по небу лучи прожекторов, вертолет был уже далеко — возле самой границы. Ведь это был особенный вертолет — когда надо, у него убирались лопасти и включался реактивный двигатель, и тогда он несся со скоростью звука...

Пока вертолет не пересек границу, в кабине

сильной ярости металась возле границы вместе со своими сторожевыми собаками и спаренными пулеметами — и ничего не могли сделать...

Генка замолчал. Он сидел совсем тихо, не двигаясь. В комнате было уже темно, Таня едва различала, как смутно белеет его лицо на фоне окна.

— Ты выдумал это, да? — тихо, почти шепотом, спросила Таня.

Генка ничего не ответил. Он спрыгнул с подоконника и зажег свет.

Тане скучно. Уроки она уже сделала и музыкой позанималась — торопливо сыграла заданные на дом этюды, и теперь явилась на кухню и ластится к матери:

— Мамочка, можно я схожу к Гене? Мамочка, ну на полчаса?

Обычно мать в таких случаях не выдерживает, уступает, но сегодня она никак не поддается.

— Нет, Таня, ты и так уже совсем от дома отбилась. Целые дни пропадаешь у своего Генки... Перед людьми даже неудобно — буд-то своего дома у тебя нет. Неужели ты не можешь завести себе подругу? Пригласила бы ее к нам, занимались бы вместе, играли. Или свет клином сошелся на Федосеенко?

Когда мама начинает говорить вот так — ровным голосом — это значит, она теперь не скоро остановится. А как ей объяснить, что дома у Генки всегда происходит что-нибудь интересное, всегда какие-нибудь новости?

Вот вчера пришла Люся, Генкина сестра, остановилась в дверях. В левой руке — папка, в правой — голубая коробка с пломбирным тортом.

Люсю, пожалуй, нельзя назвать красивой, но все-таки она ужасно нравится Тане: высокая, коротко подстриженная, в сером свитере и узкой юбке, она выглядит очень гибкой и ловкой — настоящая спортсменка. Она, и правда, играет в баскетбол и волейбол. Генка говорит, даже очень неплохо играет. Когда Таня вырастет, она обязательно будет носить такой же свитер и такую же юбку и обязательно научиться шутить так же, как Люся, с самым серьезным непроницаемым выражением лица.

— Лови! — подмигивает Люся брату и ловко, так, что торт летит, ни разу не перевернувшись в воздухе, бросает коробку Генке. Генка ловит коробку и смеется.

— Можете поздравить, — говорит Люся. — Все в порядке. Распределилась.

— И куда же? — спрашивает Ольга Ивановна.

— Куда и хотела. На Камчатку.

— На Камчатке кипятки бьет прямо из-под земли, — говорит Генка. — И вулканы. Вот здорово.

— Совершенно верно. У тебя блестящие познания в географии. Но это еще не причина для того, чтобы единолично набрасываться на торт. Мама, посмотри, какого ужасного сына ты воспитала. Хоть бы ради вежливости изобразил сначала печаль на лице. Все-таки сестра уезжает...

— Да, конечно, — вздыхает Ольга Иванова. — В нашей семье расстояний меньше, чем

Глава восьмая

до Камчатки, просто не признают...

— Вот именно, — в тон ей тут же отвечает Люся, — поэтому я и родилась в Забайкалье...

А потом все садятся за стол и мирно едят торт из пломбира, и рассуждают о том, что особенно пригодится Люсе на Камчатке...

А два дня назад принесли письмо от Генкиного брата, не от старшего, а от другого, от того, что служит в армии, солдатом, тоже интересно... Он так подробно описывал в письме лыжные соревнования... Только не простые лыжные соревнования, а особенные... Они так и называются: «Бег патрулей». Это значит, что лыжник бежит с вещмешком за плечами и с винтовкой, да еще потом должен стрелять в мишень... Пробежать десять километров и стрелять — не так-то просто...

Вообще, в почтовом ящике у Федосеенко редко когда бывает пусто. Если Генка достает почту, то обязательно выуживает оттуда либо открытку матери, либо толстую бандероль, адресованную брату, опоясанную рядами разноцветных марок... Марки Генка тут же отдирает, хотя он никогда не коллекционировал и не собирается коллекционировать их... Так, на всякий случай...

А Тане ужасно завидно — почему им даже самые обыкновенные письма приходят так редко — только по праздникам. Зато уж когда наступают праздники, жаловаться не на что, почтальоны то и дело звонят в их квартиру. По праздникам даже Таня получает открытки — от маминых родственников... Только одно плохо — Таня уже заранее знает, что там будет написано, и какого числа придет открытка, и чья там будет подпись... А вот Генка потому всегда так бежит к почтовому ящику, что он никогда не может сказать заранее, что его ждет там сегодня... А еще, наверно, он надеется, что вдруг да придет письмо от его старшего брата... Хоть и говорил тот — «не ждите», но все-таки, кто знает, вдруг да придет... Но от него по-прежнему нет никаких известий...

— Ма-ам... Ну, мамочка... — снова канючит Таня. — Ей начинать казаться, что именно сегодня, без нее, там произойдет что-нибудь особенно интересное... Может быть, вернется его старший брат. Или начнет работать удивительный Генкин телевизор, который он стал собирать недавно и который непременно должен принимать все страны мира. Или... Да мало ли что может там случиться...

— Ма-ам, ну что тебе, жалко? Ну, всего на полчаса...

— Таня, я же, кажется, ясно сказала: нет. Неужели ты не понимаешь русского языка?

Можешь ты, в конце концов, посидеть дома? Если тебе так необходим твой Федосеенко, могла бы его пригласить к нам. Почему бы ему не прийти сюда?

Таня промолчала. Она и сама уже несколько раз звала Генку к себе, но он все отнекивался: то телевизор, то футбол, то еще что-нибудь: все некогда. Раньше только от взрослых Таня слышала это слово «некогда».

«А может быть, это только отговорка, — неожиданно подумала Таня, — может быть, из-за отца он не хочет...»

О Генкином отце в доме Федосеенко при Тане никогда не говорили, а сама она не решалась спрашивать, почему-то ей казалось, что здесь, наверняка, кроется какая-то тайна... Стоило ей только подумать о нем, и сразу перед глазами возникал так испугавший ее человек на костылях, со свежей царапиной на щеке...

Может быть, именно поэтому Генка не заходит к ним? Может, он что-то знает? И все знают, только не хотят ей говорить?

Особенно запомнился Тане один случай. Как-то в воскресенье они втроем, всей семьей, возвращались из кино. Кинофильм был веселый, и теперь все, перебивая друг друга, вспоминали самые смешные места и снова начинали смеяться:

— А этот-то, этот... Длиннолицый...

— А как он в воду... Бух!

— А собака, помнишь? Его за штаны!.. Ха-ха-ха!

Больше всех, конечно, смеялась Таня.

И вдруг впереди, на углу, она увидела Генкину мать. Ольга Ивановна стояла у входа в магазин с авоськой в руке и разговаривала с какой-то пожилой женщиной. Таня хотела было рассказать ей, какой смешной фильм они видели, пусть Генка обязательно сходит, но папа и мама прошли мимо, не останавливаясь, только поздоровались, и Ольга Ивановна коротко кивнула им в ответ, а пожилая женщина, ее собеседница, быстро взглянула на Таниного отца и тут же отвела взгляд.

Они пошли дальше и снова начали говорить о фильме, но почему-то прежнего веселья уже не получалось, разговор быстро увял.

«Отчего они не остановились, как обычно, хоть на минутку, поговорить, как останавли-

ваются всегда, когда встречаются на улице знакомых? И почему так странно взглянула на отца эта женщина — словно узнала его, но нарочно сделала вид, что они незнакомы? А может быть, все только показалось ей, может быть, виновато ее воображение?»

Но все-таки эта встреча осталась надолго у Тани в памяти. И теперь все вместе — и встреча эта, и давнишний подслушанный разговор, и упорное нежелание Генки заходить к ним, все выросло в одну тайну, о которой она не решалась говорить со взрослыми...

— Видишь ли, Таня, — мамин голос продолжает звучать ровно и спокойно, как голос диктора, — ты уже взрослая девочка и должна понимать, что если девочка все время ходит в дом к мальчику, это уже становится, ну, как бы тебе сказать, ну, не совсем удобно, что ли... Я, конечно, не хочу сказать, что думаю что-нибудь плохое, нет, избави боже... Но ведь никому не известно, что думает мать Гены Федосеенко, его сестра...

Неожиданно мама пристально посмотрела на Таню, и Таня сразу почувствовала, что краснеет. Она вдруг вспомнила, как вчера на большой перемене шушукались девочки и вдруг неожиданно замолчали, когда увидели ее. Раньше ни разу такого не было. И Таня тогда почувствовала себя так неловко, как чувствует себя человек, если он, ничего не подозревая, входит в комнату, где полно людей, и вдруг оказывается, что у него вымазано лицо, или порвана одежда, или оторвана какая-нибудь пуговица...

Она повернулась и сразу вышла из класса. Ну, девочки — это понятно... Но мама, ее мама!

— Ты не обижайся, Таня, но я просто хочу, чтобы ты об этом задумалась... Я ведь могу говорить с тобой, как со взрослой, правда?

И она обнимает одной рукой Таню за плечи и прижимает к себе, и Тане начинает казаться, что ее мама такая прямая и такая умная, и такая простая, и неизвестно куда сразу же исчезают все слова, которые она только что собиралась сказать матери. Отчего-то вдруг становится и радостно и стыдно, и хочется, чтобы продолжался этот разговор, и в то же время страшновато, потому что Таня не знает, и никто не знает, к чему он приведет...

Передавали последние известия.

Уже несколько дней по радио ничего не говорили о Пьере Мизонго, и ребята как-то успокоились — они были уверены: раз молчат, значит, все в порядке, значит,

Глава девятая

все-таки испугались и не решаются казнить этого человека...

Таня читала книжку «Великое противостояние» — очень интересную книжку об одной девочке, которая снималась в кино, а потом

хотела стать киноактрисой, — и краем уха слушала радио.

Голоса дикторов, как всегда, сменялись: то говорил мужчина, то женщина. И Тане казалось, будто идут по дороге два человека и обгоняют друг друга — сначала один вырвется вперед, потом другой, потом снова первый — и так все время...

Мама возилась возле шкафа, перебирала, укладывала выстиранное белье, папа помаленьку отпивал из стакана остывший чай и просматривал газету. Обычно он всегда возвращался с работы в одно и то же время — даже удивительно точно, минута в минуту, хоть часы проверяй. «Точность — это вежливость королей», — часто повторял папа. И хотя Таня не совсем понимала, причем здесь короли, ей нравилась эта звучная фраза. Лишь по пятницам он задерживался, потому что по пятницам у них на работе заседал цехком, а он был членом цехкома. И сегодня как раз была пятница, и потому он пришел позже и только-только поужинал.

— Риточка, — сказал он, выглядывая из-за газеты, — мне предложили два билета на субботу в театр комедии. Говорят, очень хороший спектакль, билеты достать невероятно трудно. Пойдем?

— Конечно, если тебе хочется, — сказала мама. — Я с удовольствием.

— Ой, па-ап! — вмешалась в разговор Таня, — какой хитренький! Лучше бы на воскресенье. Ты уже давно обещал на «Снегурочку». Обещал?

Вообще-то Таня даже любит, когда папа с мамой уходят в театр. Ей нравится оставаться на весь вечер одной, самостоятельно хозяйничать в целой квартире. Включать и выключать телевизор, когда захочется, рассматривать папины книги, готовить себе ужин или даже просто так бродить по комнатам, придирчиво посматривая вокруг, воображая себя взрослой женщиной, настоящей хозяйкой, к которой вот-вот должны прийти гости... Потом она послушно ложится спать, точно в то время, как велела мама, но никогда не засыпает до маминого возвращения. Мама появляется оживленная, от нее пахнет снегом, легким морозцем, у нее румяные щеки и блестящие глаза. Она обязательно приносит Тане шоколадку, или апельсин, или конфеты — почему-то конфеты, купленные в театральном буфете, кажутся всегда особенно вкусными — и шепотом, торопливо рассказывает о спектакле...

Но, конечно, больше всего радуется Таня, когда в театр отправляются все вместе, всей семьей, днем в воскресенье.

— Обещал? Ведь обещал, помнишь? — не отставала она от папы.

— А ты знаешь, сколько обещанного ждуть? — засмеялся папа. — Ну, хорошо, не дуйся. Раз обещал — значит, все. В следующее воскресенье устраиваем культпоход. Да, кстати, Риточка, завтра у нас совещание у главного инженера, надо быть при полном параде. Ты приготовила мне чистую рубашку?

И в этот момент Таня услышала, как диктор сказал:

— Как стало известно, вчера утром был казнен видный борец за освобождение Африки Пьер Мизонго. Народы мира никогда не простят...

— Сколько крови льется повсюду, — сказала мама, — только подумать, сколько крови... Не дают людям пожить спокойно. Рубашку твою я положила на вторую полку, только смотри не спутай, здесь рядом лежат неглаженные...

— Итак, совершилось еще одно преступление. Народы Африки... — говорил диктор...

Таня ушла к себе в комнату, легла, не раздеваясь, на кровать и заплакала.

«Неужели это так просто — убить человека? И никому, никому во всем мире до этого нет дела?..»

По-прежнему тикают часы на стене, и громяхают на улице трамвай, и папа смеется в соседней комнате, рассказывая о заседании цехкома, а человека вывели на рассвете в тюремный двор, и он уже знал, что его убьют, но все-таки, наверно, надеялся, до самой последней минуты надеялся...

Почему его не спасли?

Однажды, еще в прошлом году, Тане пришлось, что она должна умереть. И будто все люди вокруг нее это знают и она просит их, чтобы помогли ей, она умоляет, чтобы хоть кто-нибудь сжалился, чтобы поняли, как ей не хочется умирать... Но люди молчат. Они словно не слышат ее.

Таня проснулась тогда и долго не могла прийти в себя — нет, даже не от страха — от ощущения непоправимости, неизбежности того, что должно было случиться...

И вот теперь она снова испытала это невыносимое чувство.

— Танечка! Что с тобой? Ты плачешь? — это вошла мама, остановилась возле кровати. — Ну что ты, девочка, нельзя так расстраиваться... Ты, наверно, просто заболеваешь. Дай-ка я посмотрю, нет ли у тебя температуры. А голова не болит?

— Ничего у меня не болит! Ничего! — сердито сказала Таня.

— Вот вчера ты бегала в расстегнутом пальто, наверно, и простудилась. Ну, ладно, ладно, успокойся...

«Почему, ну почему даже мама ничего не понимает?» — думала Таня. Она всхлипнула и затихла, уткнувшись лицом в подушку...

Так она лежала довольно долго и вдруг услышала негромкий разговор в соседней комнате.

— Ты знаешь, — говорила мама, — мне что-

то не нравится Таня последнее время, с тех пор, как ходит к этому своему Генке... Она стала нервная какая-то, дерганая.

— Мне вообще с самого начала не нравилось, что она ходит в этот дом, я тебе сразу сказал, — отвечал папа.

— Но это было ее первое поручение, не могла же я препятствовать.

— Ну, конечно, но все-таки...

Таня замерла даже, напрягилась вся, чтобы лучше слышать. Но разговор оборвался.

«Ну почему, почему они ничего не понимают?» — снова подумала Таня, и ей вдруг стало так жалко себя и так одиноко и тоскливо, как никогда еще не бывало раньше...

* * *

— Дети, — сказал Семен Борисович и грустно пошевелил седыми мохнатыми бровями, —

вы все, конечно, уже слышали печальное известие. Я предлагаю почтить вставанием память нашего друга и борца за свободу Африки Пьера Мизонго. Прошу встать.

Он сказал это тихо и торжественно, и ребята сначала замерли, затихли от неожиданности, а потом разом встали и в классе наступила такая тишина, что у Тани перехватило горло, и холодные мурашки побежали вдруг по спине...

— Садитесь, — сказал Семен Борисович.

Он отошел к окну и долго стоял молча, сгорбившись, думая о чем-то своем.

— Семен Борисович! — не выдержал наконец Миша Уткин. — Неужели его не могли спасти? Объявили бы войну этим гадам! Двинули бы пушки, самолеты, раз-раз! Они бы испугались и освободили Пьера!

— Эх, Уткин, Уткин, это не так просто, — сказал Семен Борисович, — вот посмотри, что делается в мире. — Он достал из кармана сложенную вчетверо газету. — Я беру только один день. Слышишь, только один? Вот посмотри... В Сайгоне полиция и войска расстреляли демонстрацию, убито пять человек. В Португалии арестовано три человека. Они обвиняются в принадлежности к коммунистической партии. Им грозит либо смерть, либо длительное заключение... В Анголе отряд карателей сжег деревню... В Западной Германии начался процесс над сторонниками мира... Видишь? Это только один день. Просто вы до сих пор как-то не задумывались над тем, что каждый день кто-то умирает, чтобы другим людям жилось лучше. Вы не задумывались над этим, пока это не коснулось вас лично... А борьба есть борьба... Там, где идет борьба, там неизбежны и жертвы... Настоящие люди никогда не думали только о себе, они всегда выбирали самую трудную дорогу... Так всегда было и так будет, пока существуют на земле зло и несправедливость...

Первый раз в жизни Таню пригласил мальчишка на каток. Пригласил Генка. Правда, никакого особого приглашения не было, просто после уроков, когда они вместе шли домой, Генка спросил:

— Ты уже каталась в этом году на коньках?

— Нет...

— И я нет... — он помолчал и буркнул, смущаясь:

— Может, пойдем сегодня? А? Я буду ждать.

И Таня ничего не ответила, только кивнула.

Конечно, она и раньше, в прошлом и в позапрошлом году ходила на каток, но ходила

И снова голос его звучал негромко и торжественно, и снова Таню охватило такое волнение, словно и она теперь была причастна ко всем великим событиям, происходящим в мире... Она даже боялась шевельнуться, боялась посмотреть по сторонам, посмотреть на своих товарищей, чтобы не нарушить, чтобы не спугнуть это чувство...

— Ну что же, — сказал Семен Борисович. — Начнем урок...

Он начал объяснять новую тему и показывал что-то указкой на карте, а Таня, примерная ученица, отличница, наверно, первый раз в жизни не слышала, что говорил учитель...

«Почему, — думала она, — одни люди бросают все и уходят из дома навстречу опасностям и невзгодам... И мерзнут, и голодают, и скрываются от преследования... Ведь их никто не заставляет... Почему?»

И неожиданно ей вспомнилось, как давно, еще совсем маленькой, мама читала ей сказку...

Вспомнилось, как подошел добрый молодец к развилке дорог и остановился перед камнем. А на камне там надпись:

«Направо идти — молодец будет сыт, а конь голоден.

Налево идти — молодец будет голоден, а конь сыт.

А прямо идти — живому не быть...»

Подумал добрый молодец и пошел прямо, по третьей дороге...

Так и в одной сказке, и в другой...

«Почему? — спрашивала Таня. — Почему? Он же знает, что будет убит, почему же он идет по этой дороге?»

А мама смеялась:

«Это же сказка. А в сказке всегда все кончается хорошо. Вот увидишь...»

И теперь, снова, как в те дни, Таня спрашивала себя: «Почему? Кто заставляет их? Почему они идут по этой дороге?»

Глава десятая

вместе с девочками или совсем одна, а такого, чтобы заранее договориться, чтобы мальчишка ждал ее на катке — такого никогда не было.

Маме она ничего не сказала — собиралась сказать, но чем дольше собиралась, тем труднее оказывалось это сделать — слова застредали в горле. И те слова, что, скажи сразу, она бы произнесла очень просто, естественно, теперь, наверняка, она бы сказала не своим, сдавленным голосом, да еще бы покраснела при этом... И как бы отнеслась к этому мама, неизвестно... Нет, Таня, конечно, не собиралась

обманывать маму, она никогда не обманывала ее, даже не представляла, что могла бы обмануть, просто она решила, что расскажет все после, когда вернется с катка...

Таня надела красный свитер и черные узкие спортивные брючки, и даже посмотрела на себя в зеркало, совсем как мама, когда она собирается в театр.

Генка уже ждал ее в саду, возле входа на каток. Конечно, ему вовсе не обязательно было стоять здесь, он мог бы прекрасно идти и кататься — Таня все равно бы нашла его. Но он все-таки стоял здесь, у входа, и ждал.

Таня подошла к нему и только тогда заметила, что неподалеку, на льду, крутятся Инга

Макарова, и Зина Котова, и Глеб Сазонов. Инга и Зина держались за руки, а Глеб как раз в этот момент лихо подкатил к ним, но тут увидел Таню и объявил громко, так, чтобы она услышала:

— А вот и невеста! Невеста к жениху пришла...

Инга хихикнула, а Зина серьезно, строго посмотрела сначала на Глеба, а потом так же строго на Генку и Таню.

И Таня сразу ужасно смутилась — ей захотелось тут же повернуться и уйти. Она даже боялась взглянуть на Генку, так стыдно ей было.

Но Генка только махнул рукой и засмеялся:

— Если на каждую глупость обращать внимание, — сказал он, — сам скоро дураком станешь...

Он был совершенно спокоен, даже не рассердился, не смутился и не обиделся: медленно проехал мимо всей троицы, развернулся и снова подкатил к Тане:

— Ну, пошли!

Таня не очень хорошо каталась на коньках, только третий год, как научилась, но сегодня — то ли погода была такая: легкий морозец и редкие снежинки, словно специально для украшения повисшие в воздухе, то ли незаметно помогал ей Генка, — только все время она старалась угнаться за ним, не отстать, и очень быстро забыла про обиду. Ощущение легкости, уверенности, точно она каталась лучше всех, захватило ее.

Ей казалось, будто смотрит она на себя со стороны — будто скользит она легко и красиво, круг за кругом, круг за кругом, скользит по льду девочка в красном свитере... И будто растут перед ней, и глядят на нее с восхищением: смотрите, смотрите, как прекрасно катается эта девочка в красном свитере! Круг за кругом, круг за кругом...

И Генка берет ее за руку, и они катятся вместе, летят по льду, и он кричит ей:

— Здорово! А?

Может быть, все это только казалось ей, может быть, все было совсем не так, но все же сегодня она впервые попала на каток, впервые в этом году, и был такой замечательный морозец и снежинки, такие легкие, застыли в воздухе!

Время пролетело совсем незаметно, и Таня удивилась, когда стемнело.

Она торопливо выбралась из толпы, сняла коньки, быстро оделась в тесном холодном гардеробе.

Было жалко, что так быстро кончился этот день.

Снег скрипел и потрескивал под ногами, молочные шары фонарей висели в воздухе.

Сначала и Таня и Генка шли молча, потом заговорили о школе, о заданных уроках, о Генкиной сестре, которая уже готовилась уезжать, о вулканах на Камчатке, о сейсмологах...

И так свободно и просто шел этот разговор, так незаметно перескакивал с одной темы на другую, что Таня вдруг осмелела и спросила:

— А ты почему это к нам никогда не заходишь? Мама тебя звала...

— Зайду... Понимаешь, все некогда, — совсем как взрослый, сказал Генка. — Но обязательно зайду. А у тебя отец кем работает?

— Инженером.

— А что делает?

— Как что? Инженер, я же сказала... — Таня запнулась, отец никогда не рассказывал о своей работе, было у него правило такое: никогда не говорить дома о работе.

«Только тот хорошо работает, кто хорошо отдыхает, — любил повторять он. — Наговориться о делах мне вполне хватает семи часов».

— Мой отец тоже инженером был, — сказал Генка, — электриком... Все до строительства электростанций мотался. Где он только ни бывал...

Таня быстро повернулась и взглянула на Генку.

— А твой отец... Скажи мне... какой он был?

Она спросила это тоже легко и просто, и с нетерпением, с волнением даже ждала ответа. Она ждала, что Генка сейчас скажет об отце плохо или смущенно промолчит, и тогда все сразу станет на свои места, все станет понятно.

Но Генка помолчал минутку, потом усмехнулся как-то грустно и сказал:

— Какой? Очень хороший...

Больше Таня не стала ни о чем спрашивать, не решилась. Они уже давно вышли из сада, уже приближались к ее дому.

— Ну, заходи как-нибудь, — сказала Таня не очень уверенно.

— Зайду...

Снег сыпал все гуще и гуще, и фонари едва проглядывали сквозь снежную пелену.

Они попрощались за руку, и Генка сказал, что рука у Тани очень теплая.

— Это потому, что у меня варежки, — сказала Таня.

— Варежки... — повторил Генка и засмеялся.

«Варежки, — подумала Таня, — какое смешное слово».

«Варежки, варежки, — повторила она про себя, — смешное и теплое. Даже пушистое».

Она засмеялась и побежала в парадную. А Генка пошел домой.

Только уже поднимаясь по лестнице, приближаясь к своей двери, Таня вдруг заволновалась, забеспокоилась оттого, что опять возвращалась позже, чем обещала...

Еще в передней мама сразу пристально посмотрела на нее и сказала своим ровным голосом:

— Наверное, с Федосеенко каталась?

Таня кивнула.

— Смотри, скоро докатаешься до четверок, совсем перестала заниматься... Я еще раз говорю тебе, Таня, ты взрослая девочка, и сама отвечаешь за свои поступки. Я, конечно, знаю, уверена, что ничего нехорошего у тебя и в мыслях нет, но все-таки ты еще многого просто

не понимаешь... Поэтому подумай, что могут сказать люди...

— Ну, если все глупости слушать, сам скоро дураком станешь, — Таня вовсе не собиралась обидеть мать, вовсе не собиралась говорить ничего подобного, просто эта фраза вдруг промелькнула в голове и сказала сама собой.

— Ах, вот как ты начинаешь разговаривать с матерью? Ну что ж, я знала, что дождусь этого. Мало того, что ты уже обманываешь меня, ты еще и грубишь!

И вот он вернулся, старший Генкин брат, живой и здоровый, целый и невредимый, и сидит как ни в чем не бывало за столом вместе с матерью, и Люсей, и Генкой... И Таня тоже сидит вместе со всеми.

Наконец-то она может разглядеть как следует Генкиного брата. Он в белой рубашке с засученными рукавами, и, может быть, поэтому его руки, открытые по локоть, кажутся такими сильными, такими крепкими — даже хочется их потрогать.

Весело за столом, одной только Тане немножко обидно и грустно. Грустно оттого, что сегодня чувствует она себя здесь все-таки чужой. Все они, и Генка, и Люся, и их старший брат вдруг посмотрят друг на друга и начинают хохотать или слово какое-нибудь скажут, пустяковое, случайное слово, и опять смеются — может быть, у них что-то свое, какое-то воспоминание, история какая-нибудь с этим словом связана, а Таня не знает...

А главное, Таня сидит как на иголках. Мама отпустила ее сегодня только на полчаса, мама не хочет, чтобы она ходила к Генке. «Смотри, чтобы это было в последний раз, — сказала она, — если нужно, пусть сам к нам приходит».

Таня уже несколько раз порывалась уйти, но ее не отпускают.

— Ничего, Танечка, посиди, — говорит Ольга Ивановна, — ведь не каждый день бывает такой праздник. А я сейчас схожу и позвоню твоей маме. Ее Маргарита Сергеевна зовут, да?

— Маргарита Сергеевна... Маргарита Сергеевна, — повторяет Генкин брат, — очень знакомое имя... Соловьева... Откуда же я ее знаю?.. А? Подожди, так это...

Он тут же осекся, замолк под взглядом матери. Но уже поздно. Таня заметила этот взгляд и вся напряглась. Все время от нее что-то скрывают, думают, она ребенок, ничего не понимает...

— Что? Что вы хотели сказать? Ну почему вы молчите?..

— Мама! — уже чуть не плача и все больше и больше чувствуя себя виноватой, сказала Таня, — мама, я не обманывала...

— Ну как же? Ты ведь прекрасно знала, что пойдешь на каток вдвоем с Федосеенко, но предпочла промолчать, — разве это не ложь? Таня молчала, опустив голову.

«Отчего так получается, — думала она, — только что было так хорошо... А теперь так плохо...»

Глава одиннадцатая

— Да ничего Танечка, успокойся, — говорит Ольга Ивановна.

— Нет, почему вы не хотите сказать? Думаете, я не вижу?

— Да не обращай внимания, Танечка. Все давным-давно забыто...

— Нет, отчего же, — неожиданно говорит Генкин брат, — раз уж зашел разговор, зачем же скрывать? Если Таня хочет знать, я расскажу. Она уже взрослый человек, все поймет правильно. Так вот. Это давно случилось, тогда твой отец был председателем цехкома, и наш отец тоже работал на заводе, только в другом цехе. Но он у нас был человек беспокойный, во все вмешивался. И хлопотал он об одной женщине — она в войну потеряла детей и жила, больная, совсем одна, в очень тяжелых условиях. Он добивался, чтобы ей комнату дали. Ну, и пришел к моему отцу. А тот возьми и спроси: «А вы-то что вмешиваетесь? Вы, собственно, какую цель преследуете?» Ну, отец и вспылил. Какую цель он мог преследовать? Только одну — сделать человеку лучше. Неужели это так трудно было понять?..

Таня слушает, закусив губу, опустив глаза. Ей не по себе от мысли, что сидит она вот так по-свойски за одним столом среди людей, которые плохо думают об ее отце... Точно предательница. А еще ей неловко, стыдно оттого, что она испортила всем настроение, сбила веселье.

— Да ты, Таня, не расстраивайся, — говорит Ольга Ивановна, бросая на старшего сына сердитые взгляды, — ну, поссорилась, обычное дело. Все живые люди, с недостатками... Нашто Василий Николаевич последнее время очень нервный был, я и сама не раз говорила: «Не вмешивайся, пожалей свое здоровье». Да разве его убедишь...

А Таня вдруг вспоминает ту встречу на улице и женщину, которая так странно взглянула на ее отца.

«Нет, — думает Таня, — мой папа не мог так! Не мог!»

Она сегодня же спросит его обо всем, поговорит с ним, и он все объяснит, и все сразу выяснится. Эта мысль немного успокаивает ее.

Постепенно разговор перебрасывается на другое. Ольга Ивановна идет звонить Таниной матери.

— Коль, а Коль, — канючит тем временем Генка, — ну, скажи, где ты был? Что это такая тайна, да? Ну, ты только первую букву скажи... Давай, я буду угадывать, ладно?

А Николай только посмеивается, грызет печенье, с удовольствием пьет горячий крепкий чай, потом неожиданно говорит:

— Ну-ка, включи радио. Может быть, по радио тебе что-нибудь скажут.

Так вон оно что!

Генка сломя голову бросается к громкоговорителю. Наверное, он думает, что сейчас всю комнату заполнит знакомые позывные и диктор торжественным голосом объявит:

— Внимание! Внимание! Передаем сообщение ТАСС!

Но ничего этого нет — ни позывных, ни торжественного дикторского голоса. По радио передают самые обыкновенные последние известия...

И Таня даже не особенно вслушивается, когда диктор говорит:

— Недавно в Советском Союзе были проведены опыты, с тем чтобы проверить, как может повлиять на человека пребывание в условиях длительного одиночного космического полета. Исследования проводились в течение одного-двух месяцев. Человек помещался в кабину космического «корабля» и находился в условиях полной изоляции. Опыты дали много интересного для...

— Слушай, это ты?! — вскакивает Генка. — Коль, ты?

— Ну, допустим...

Таня во все глаза смотрит на Генкиного брата.

А Генка минуту-две молчит, только шевелит губами, словно прикидывает, подсчитывает что-то в уме.

— Выходит, ты как бы до Марса слетал?

— Выходит так...

— И благополучно вернулся?

— И вернулся.

Тане не терпелось как можно скорее рассказать дома о Генкином брате. Только что она сидела за одним столом с человеком, который целых два месяца провел в космической кабине — кто еще может похвастаться таким?

— А почему же тебя торжественно не встречали?

— Еще как встречали! Ты бы видел, как в лаборатории ко мне все бросились, когда я вышел из своей кабины. Я даже испугался, что после такой встречи уже никакой ценности для врачей представлять не буду!

— У тебя борода, наверно, огромная выросла, да?

— Зачем же? Я там брился каждый день, как и дома...

— Ну-у, лучше бы борода... А про тебя в газетах напишут?

— А как же, обязательно! Во всех.

— И портреты будут?

— Конечно, на каждом перекрестке.

— Ну, вот опять смеешься... А ты потом на Марс по-настоящему полетишь?

— Нет, не полечу.

— Почему?

— Потому что есть люди, подготовленные лучше, чем я.

— Гена, дай человеку спокойно выпить чаю, — он же два месяца уже не пил чай, — вмешалась Люся.

— А он не может пережить, что об этом не сообщат в газетах: мол, так и так, товарищ Федосеенко два месяца обходился без чая...

Генка насупился.

— Тебе бы все только смеяться...

А Таня за минуту зажмурилась и попыталась представить себя в одиночной кабине среди всяких приборов, попыталась представить, могла ли бы она пробыть вот так, одна, целых два месяца, не видя ни привычных вещей, ни неба, ни домов, ни людей — ничего, ничего... Нет, такое даже вообразить было трудно...

Генкиного брата еще долго расспрашивали об этой кабине, о долгих днях одиночества, и он рассказывал, посмеиваясь, пошучивая как обычно...

Потом пили чай, потом Николай и Люся пели песни — и о диких степях Забайкалья, и «Барабанщика», и «Бригантина поднимает паруса», и Ольга Ивановна тоже негромко подпевала и все посматривала с грустью на Люсю — теперь уже скоро ей собираться в дорогу, скоро ее провожать...

Глава двенадцатая

И Таня рассказала обо всем матери торопливо и сбивчиво, сразу, еще стоя в передней, стаскивая с себя пальто и разматывая кашне...

— Очень интересно, удивительно. — говорила мама, — кто бы мог подумать... Только,

пожалуйста, причешишь, приведи себя в порядок, у нас гости.

Гости были все те же — дядя Гриша и его жена Виктория Ивановна. Они играли в карты и разговаривали между собой и посматривали на экран телевизора. «В наш атомный век, — обычно говорил папа, — надо уметь делать не меньше трех дел сразу».

Обычно, когда отец играл в карты, Таня любила стоять у него за спиной, следить за тем, как выбирает он карту, любила, когда он в шутку советовался с ней...

Но сегодня не до этого. Она подсела было к телевизору, но не смотрела на экран, а все поглядывала на отца и дядю Гришу, ждала, когда, наконец, они прекратят игру и тогда она сможет сообщить свою новость.

Все испортила мама.

— Вы слышали, Таня рассказывает, оказы-

вается, в этих опытах, ну, о которых сегодня говорили по радио, участвовал брат Таниного одноклассника, брат Гены Федосеенко...

— Хм, — сказал папа, — интересно...

— Это теперь очень модно, — сказала Виктория Ивановна, — сейчас все космосом занимаются.

— У меня туз червей, — сказал дядя Гриша.

— Нет, вы знаете, — сказала мама, — у них вся семья такая... странная... Все их куда-то тянет из дому... В отца, наверно, пошли, у них отец всю жизнь перекати-полем провел...

— «Им овладело беспокойство, охота к перемене мест», — сказал дядя Гриша.

— Я за разговором не ту карту случайно положила, — сказала Виктория Ивановна.

— Вот и сестра у них, — продолжала мама, — Таня говорит, после института на Камчатку решила поехать...

— Ну, это просто, значит, не смогла устроиться... — сказал папа.

Он произнес это мельком, равнодушно, не отрываясь от карт, и Таня быстро взглянула на него. Она даже сама не поняла, что произошло с ней. Только почувствовала, как жарко стало ее щекам. Как он может так думать! Как он может так говорить!

Таня вскочила со стула.

— Неправда! Неправда! Она сама едет!

Таня хотела сказать это громко, на всю комнату, ей казалось, что она крикнет эти слова, но губы прыгали, она чувствовала, что вот-вот заплачет, голос сорвался...

За столом продолжали играть в карты. Только мама строго посмотрела на нее и сказала:

— Танечка, сколько раз я тебя просила не вмешиваться в разговоры взрослых, это неприлично...

— Ну и ладно, — буркнула Таня.

Она ушла к себе в комнату, остановилась возле окна, прижалась лбом к холодному стеклу. Смотрела на улицу. Иногда по улице проезжали автомобили и тогда свет фар, пробежав по стенам, снова исчезал за окном, и в комнате становилось еще темнее.

«Как он может так думать! Как он может так думать!» — повторяла про себя Таня. У нее снова начинали дрожать губы.

И вдруг она вся замерла от одной мысли. Она подумала...

Она вдруг ясно себе представила, как спрашивает ее отец, таким вот равнодушным тоном, того человека, Генкиного отца... «Вы-то, собственно, какую цель преследуете?» И человек вспыхивает. И уже не в силах сдержаться. Она вдруг поняла сейчас, что так может быть, что так могло быть...

Сколько она помнит отца, он ни разу, никогда не закричал на мать или на нее, на Таню... «Мой муж никогда не повышает голоса», — любила говорить мама своим знакомым. «Ваш муж удивительно спокойный человек, — говорили маме ее знакомые. — Вам просто повезло».

И Таня тоже всегда гордилась этим.

А теперь... Теперь она не знала, что думать, она совсем запуталась в своих мыслях.

Она слышала, как прощались гости, как говорила Виктория Ивановна:

Конец

— Что же это нам Танечка сегодня ничего не сыграла? Я так люблю слушать, как она играет...

А мама отвечала:

— Наверно, устала. Теперь ведь у них огромная перегрузка в школе, ужасно много задают уроков...

Потом все затихло, даже телевизор перестал работать, наверно, папа выключил его, принялся за газеты.

В коридоре хлопнула дверь, прозвучали машины шаги, и мама вошла в комнату.

— Таня, ты еще не легла? А я думала, ты спишь... Ну, тем лучше. — Она подошла к Тане и положила руку ей на плечо. — Таня, я тебе хотела сказать, ты портишься прямо на глазах. Я даже не знаю, что и думать. Я всегда мечтала, чтобы у меня была воспитанная дочь, а ты сегодня... Мы как раз с папой собирались купить тебе часы, а теперь...

— И не надо! Не надо мне ваших часов! Ничего не надо!

— Таня, как ты разговариваешь с матерью! Прекрати сейчас же! Я завтра же пойду в школу и наконец выясню, кто на тебя так влияет!

— Ну и иди! Иди, пожалуйста! — выкрикнула Таня и заплакала.

Несколько минут мать молчала. Потом она осторожно тронула Танино плечо.

— Таня, я не понимаю, что с тобой происходит? Раньше ты была со мной откровенна, у нас не было друг от друга никаких тайн. А теперь мне кажется, ты от меня что-то скрываешь...

— Девочки! — прокричал из соседней комнаты папа. — О чем вы шепчетесь? Раз, два, три, я иду подслушивать!

В первый раз Таня не ответила ему, как обычно, но он, видно, и не заметил этого, потому что снова зашуршал своей газетой.

А Таня молча глотала слезы, она ощущала на своем плече ласковую мамину руку, ощущала ее тепло, знала, что сейчас они помирятся и в то же время с горечью и грустью угадывала, что это не последняя ссора, что впереди будут другие, что что-то уже изменилось, и их отношения никогда уже не смогут стать такими же, как раньше...

СЕВЕРНАЯ СКАЗКА

Игорь Михайлов

Рисунок
В. Звоницова

Есть в Карелии островок.
Там ручей журчит, неглубок,
весь просвечен солнцем до доньшка,
а на том островке — сосна,
под сосною — два валуна,
с валунами — два их детенышка.
Чуть залезет солнце за лес —
каменюки с насиженных мест,
кувыркаясь и тычась мордами,
к речке скатываются стремглав,
человека же увидав,
как жуки, притворяются мертвыми.

До утра при свете луны
обучают детей валуны:
как из моха выкроить платице,
как, с горы катясь во всю прыть,
сдуру лоб себе не разбить...
Дети вырастут и укатятся.
И найдут другой островок,
где ручей журчит, неглубок,
весь просвечен солнцем до доньшка,
чтобы там — в миллионный раз —
как их предки, таясь от нас,
обучать своего детенышка.
Пусть никто разгадать не сумел,
для каких неслыханных дел
род валуний секретно множится,
но не зря же в сторонке лесной
дремлет камень под каждой сосной
с равнодушьем притворным на рожице...

Драгоценный пласт

У меня в памяти крепко засела одна строфа из стихотворения молодого поэта Владимира Кострова:

«Надо каждому из нас поднимать какой-то пласт — ведь земля, она такая: чем засеешь — тем воздаст».

Может быть, потому так запомнились эти строки, что напоминают они о небольшом русском городе, где мне недавно удалось побывать в качестве специального корреспондента журнала «Костер».

В середине прошлого века на южном Урале нашли огромный золотиносный пласт. Возник городок. Его назвали Пласт.

Но не только золото прославilo эти замечательные места. Район Пласта пользуется всемирной известностью благодаря своим драгоценным камням: розовым топазам, эвклазам, кианитам. Его справедливо называют «русской Бразилией». «Только два места на земном шаре, — говорил академик А. Е. Ферсман, — дают эти минералы: река Санарка и Минас-Жериас в Бразилии».

Я тоже сделал в Пласте маленькое открытие, впрочем, не такое уж маленькое. Я «открыл» на реке Санарке замечательных ребят и хочу поделиться с вами своим открытием.

Не стану много говорить — пусть рассказывают документы, сами ребята и люди, которые их хорошо знают...

Таня Вахтина — геологию по книжке выучила назубок, теперь она осваивает курс практически. Сегодня Таня промывает зубной щеткой образцы кианита. Совершенно секретно: Таню особенно любят комары и оводы, лицо и ноги распухли от укусов. Маме об этом лучше не рассказывать.

Г. Усыскин

**Рассказывает Владимир Дмитриевич Коломенский,
директор Музея геологии Ленинградского Горного института**

Знакомство мое с пластовскими ребятами было необычным. Я руководил практикой студентов нашего института на Южном Урале. Когда практика подходила к концу, я и один из студентов решили посетить уникальное месторождение розового топаза у бывших Жуковских приисков.

Октябрь в прошлом году на Урале был сыкотным и холодным. После каждого шага к ногам прилипали огромные комья грязи.

Вскоре нас догнали три девушки. Разговорились. Оказа-

лось, что они тоже направляются к месторождению топазов. Пошли вместе. Всю дорогу они рассказывали, что ищут цветные камни и что руководит ими опытный геолог, который все знает.

За разговором незаметно пришли к месту. Здесь уже была большая группа ребят, они добрались сюда раньше, на велосипедах. Познакомили меня с руководителем, «опытным геологом», который оказался невысокой девушкой. Звали ее Валею Кирилловой.

Я тоже представился. Снача-

ла не поверили, пришлось документ показать. На холодном ветру много не наговоришь — занялись делом.

Розовые топазы — маленькие, чуть заметные кристаллы, ищешь их, как иголку в сене. Порода — рассыпчатый кварц — под руками крошится. Так, верите или нет, ребята породу языком слизывали. Шупали, смотрели и снова слизывали... Я такой метод поиска видел впервые.

Короткий осенний день подходил к концу. Ребята разожгли костер, сварили компот.

Пригласили нас погреться, выпить горячего. Отказывались мы недолго, руки и ноги зашлись от ветра и сырости.

Нужно было возвращаться. Вот тогда и предложили ребята воспользоваться их транспортом — велосипедами. Заранее уже все продумали. Самых маленьких и легких решили посадить на рамы. Сами представляете, как по грязи вдвоем на велосипеде ехать.

Добирались с приключениями, два раза шины лопались,

только к ночи приехали в город. А на следующий день в школе собрались — человек пятьдесят. Попросили меня рассказать о метеоритах. Задавали много вопросов.

Показали свою коллекцию — много интересного. «Берите, — сказали, — берите, если нужно для вашего музея, нам не жалко». Ну и ребята, подумал я, ведь знаю, как им достается даже самый маленький камешек, как ценен он для коллекций.

Теперь у нас в музее есть замечательный образец породы с вкрапленными в нее кристаллами розового топаза, а до того не было. Получили мы от ребят много других интересных экспонатов. И наш музей отправил в Пласт разные образцы.

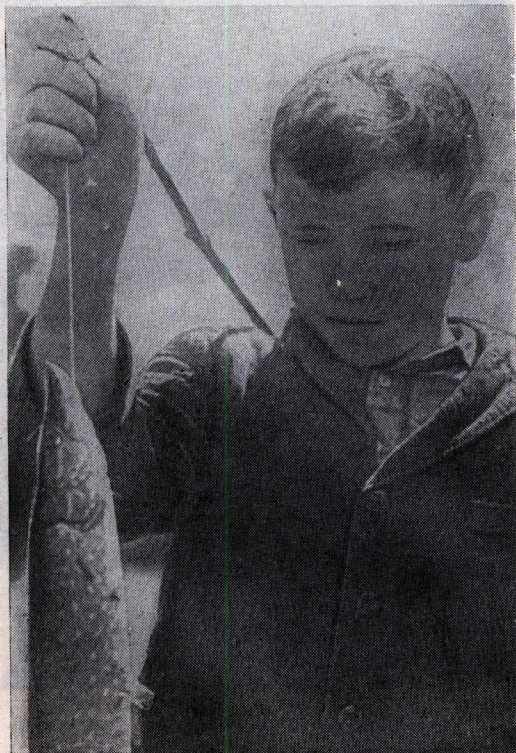
Честно говоря, еще почему мне так пластовские ребята дороги: я в 1948 году эту же 10-ю школу окончил и в геологическом кружке занимался. Вот какое совпадение.

Из писем Вали Кирилловой

...Здравствуй, Люда! Сейчас ночь, около одиннадцати. Разбираю почту. Вспомнила недавний спор. Речь зашла о наших трудностях. Конечно, их у нас не мало. Но дрожать перед ними смешно. Особенно нам, кто готовится идти в дальний поиск. Мало ли что когда-нибудь где-нибудь нам придется встретить!

В воскресенье ездила в Коркино, в первую школу. Вот где здорово работают! У них сильный руководи-

тель — Л. М. Кустов, может, слышала? Я у него полтора года занималась. Ребят много, и все по специальностям геофизики, минерологи, геологи, топографы. У

Саша Захаров — самый молодой в отряде. Он закончил только пятый класс, но уже прославился как лучший топазоискатель и рыболов.

Валя Казымова — геофизик и топограф, ветеран клуба ТГС (туристов, геологов, следопытов) и главная певунья.

Ефим Яковлевич Туник, директор Челябинской областной туристско-экскурсионной станции, помнит Валу, ее подруг и товарищ по Первому Всероссийскому слету в Иркутске. Тогда пяти-шестиклассники, они решили увезти с собой «все» камни Байкала. Рюкзаки так набили, что одному не под силу унести.

В тот год за большой геологический поиск они были награждены Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и денежной премией в тысячу рублей.

них есть и теодолиты, и микроскопы — все, только работай. Ищут золото.

Определить никель в змеевике попробуем «твоим методом». Есть ли у тебя магнетит? Как ты доказала, что это именно он (не считая магнитности)?

Валя.

...Люда, ездили на Борисовские сопки. Читала у Ферсмана? Месторождение голубого квантадистена, старатели называют его купоросником. Замечательные нашли образцы. Чудо! Сколько ездили, впервые такие откопали. Также нашли хорошие образцы хольцедона и... убили девять змей. Бр...р...р...

Почти каждый вечер определяем химическими и физическими методами минералы. Музея у нас нет, так как нет места в школе. Образцы, конечно, имеем. Различных минералов около ста.

Писать хочется много, а времени нет. Берегу каждую минуту. Советую прочесть «Юный техник» № 12 за 1964 г. Что тебе еще читать? Затрудняюсь ответить. У меня литературы «кот наплакал». Сейчас читаю

«Курс минералогии» Лазаренко и «Общую геологию» Дунаевой и других авторов. Книги новые, имею в виду выпуск. Очень интересным и понятным языком написаны. Недавно прислали «Курс палеонтологии», но еще не бралась.

Что ты в литературе больше всего любишь?

Как определяешь минералы? Да, определителя сами не имеем. Берем «взаймы» у геологов. Трудно достать. Где — не знаю. Если встретится, бери два, мне тоже.

Валя.

...Здравствуй, Люда! Что молчишь? Как дела?

У нас теперь будет юношеская геолого-разведочная партия. Будем возрождать славу «Русской Бразилии». Много ходим, ездим, делаем съемки. Нашли аметисты. Можем подарить. Приезжай.

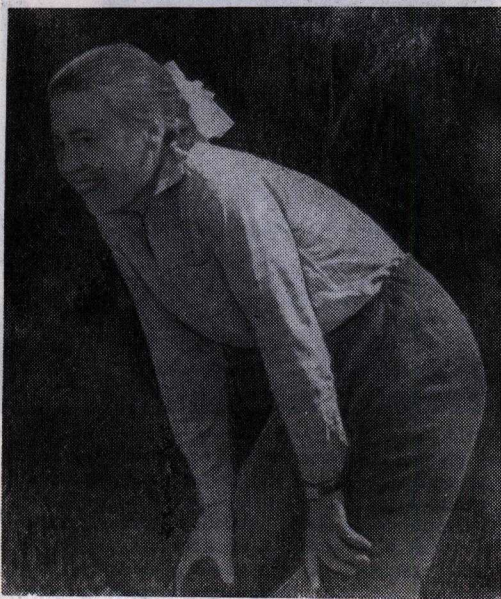
Валя.

(Люда Каретникова, челябинская школьница, мечтает стать геологом. Познакомились девочки через газету «Комсомолец».)

Из походного дневника Зины Ефимовой

14 июня 1965 г.

Сегодня замечательный день — начался наш поход. Поймет это, конечно, геолог, турист, следопыт и, вообще, настоящий человек, но ни в коем случае не обыватель, который считает, что обедать дома лучше и

Валя Кириллова — начальник юношеской геолого-разведочной партии, основатель и душа клуба ТГС. По совместительству она еще и вратарь девичьей сборной. Мальчишки в этот раз победили, но и девочки тоже играли здорово.

Сережа Вавилов — в клуб пришел совсем недавно и еще не уверен, что лучше — гонять мячи по задним дворам или искать минералы в поле. Только одно он знает точно: дворовые приятели — каждый сам за себя, а тут — все за всех.

культурнее. По нашему же мнению, лучше всего в лесу у костра.

15 июня

К вечеру начинают заедать комары. Раздаются возгласы:

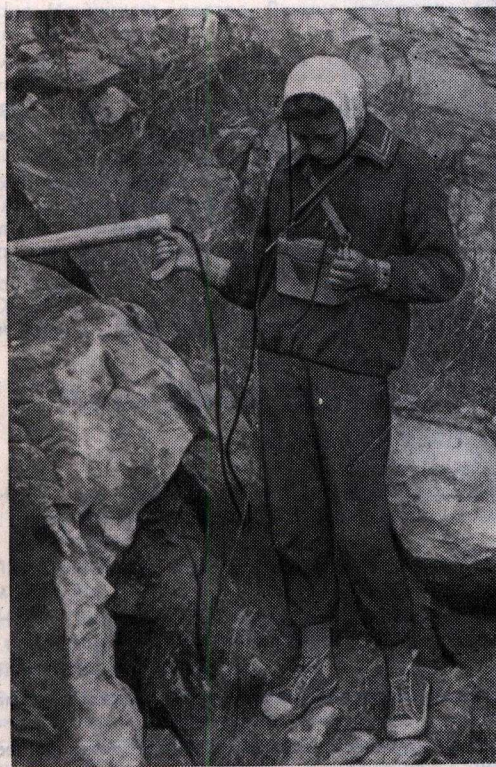
Мама, милая мама,
Репудин мне пришли.

Часа в четыре утра разожгли костер, дымушками выгнали из палаток комаров и до подъема спокойно спали.

16 июня

Трубит горн. Вылезаем из палаток на зарядку. Трава мокрая, ночью была гроза. Вот уже вторую ночь мы ночуем в палатках, и вторую ночь небо чертит молнии, а воздух сотрясается сильными ударами грома.

10-30. В путь. Моросит дождь. Идем вниз по реке.

Юля Кириллова — старший геофизик и младшая сестра Вали. С радиометром не расстается, определение радиоактивности пород входит в задачу поисковой группы. Секцию астрономии в клубе ведет Юля, она же дипломант областной олимпиады по физике.

Метрах в ста делаем первую пробу, чуть подальше — другую.

Валя Казимова составляет подробную карту реки и отмечает, где мы берем пробы. Только успевает считать и наносить. Заходим прямо в воду, брюки намокли выше колена.

Вот голубой хрусталик попался — возьмем. А вот красное прозрачное маленькое зернышко — это гранат. Место интересное, нужно прийти сюда еще.

Сергея Бакулин — по штатному расписанию геолог, увлекается поисками минералов с четвертого класса. Это о нем и его товарищах рассказал нам Александр Петрович ФЕДОТОВ, главный геолог Кочкарской геолого-разведочной партии.

«В клубе ТГС народ увлеченный. И в тресте и в управлении стоит вопрос о том, чтобы из геологии их не выпускать. Нам теперь в книжки приходится заглядывать, чтобы отвечать на их вопросы.

Они уже помогли нам расшифровать генезис месторождений розовых топазов. И теперь здесь работает специальная партия. Или вот с аметистами, например. Раньше находили аметисты 300—400 граммов, а ребята нашли огромную друзу на шесть килограммов, и на новом месте.

Ребят направляем на самые ответственные задания, они оформлены как самостоятельный отряд специальным приказом по Кочкарской геолого-разведочной партии».

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Александр Пунеченко

В. И. Ленин. Рисунок художника Н. Альтмана. Май 1920.

Накануне

С вечера Москву обложило тяжелыми, многообещающими тучами.

Это было и хорошо и плохо.

Хорошо, что наконец-то иссушенная ветрами, запыленная Москва умоется весенним дождем. В апреле не пролился ни один дождь. А с другой стороны, могло задождить так, что весь Первый май пошел бы насмарку. Это происходило как раз накануне Первого мая.

В тот вечер Владимир Ильич Ленин был крайне озабочен. У всех спрашивал: и на работе, в совнаркоме, у товарищей, и дома — у жены, сестры, у Александры

Печатается с сокращениями

Михайловны Сысоевой, помогавшей у них в доме по хозяйству.

— Как вы думаете, завтра не будет дождя? Как повашему?

Все в общем-то неопределенно разводили руками. Лишь Александра Михайловна отвечала твердо:

— Вот и хорошо, если будет. Завтра праздник трудящихся всего мира, а в праздник положено отдыхать. Вот и потрудитесь отдыхать.

— Завтрашний субботник надо провести по решению съезда партии, — урезонивал ее Ленин, — как Всероссийский коммунистический! Съезд коммунистов — это шестьсот тысяч членов. Съезд производственных

рабочих союзов всецело одобрил постановление партийного съезда. Это четыре миллиона триста тысяч членов. ВЦИК Советов принял такое же решение. Вот и соблаговолите, пожалуйста, приготовьте мне соответствующую обувь и платье. Башмаки, вероятно, те, в которых я в прошлом году ходил по грибы в Горках.

Надежда Константиновна спросила осторожно:

— Может быть, ты все-таки воздержись, не пойдешь?

— А можно привести только один довод «за»?

— Из газеты «Правда»?

— Да.

— «Коммунисты, на подмогу! Поспешите помочь... Работа зовет всех!» Этот?

— Совершенно точно. Это воззвание Первомайской комиссии. Все коммунисты обязаны выйти на субботник. Должны служить примером. Ведь ты тоже пойдешь в свой Наркомпрос. Маняша пойдет в свою редакцию. Вот я тоже...

— Мы будем работать по месту службы. А ты?

Надежда Константиновна, сама в то не веря, пыталась еще отговорить Владимира Ильича.

Конечно же, напрасно.

Он сказал:

— А моя служба везде.

Но на этом разногласия и уговоры не закончились. Мария Ильинична, сестра Ленина, спросила с твердостью в голосе:

— А ты не можешь устроить субботник за своим столом?

— Вот тебе, пожалуйста, — обратился Владимир Ильич к жене, — коммунисты, на подмогу!

Он шутил, понимая, что сейчас за него могут приняться всерьез. Ну-ка, трое против одного! Позвонит еще Анна. С ней труднее, нежели с другими. У Анны доводы посolidней: «Я — старшая сестра!»

И Ленин сдался. Не совсем, правда. Наполовину.

Пообещал:

— Хорошо, я не пойду на субботник, но... в том случае только, если будет дождь. Вы же со своей сто-

роны обязуетесь разбудить меня в половине восьмого... в том случае, если дождя не будет.

— А спать ты рано ляжешь? — спросила Мария Ильинична.

— Да, постараюсь.

Надежда Константиновна потянула Ленина за рукав: — Иди, иди, укладывайся. Всем надо спать. Все должны отдохнуть перед трудным днем, — и в столовой она сообщила: — Звонила Аня...

— Ах, вот как, звонила?! — развеселился Ленин.

Он развеселился потому, что угадал намерения старшей сестры.

— Да, звонила, — совершенно невозмутимо продолжала Надежда Константиновна, — она велела передать, чтобы ты завтра одевался потеплее, если, конечно, пойдешь на субботник.

Дождь разразился внезапно. Хлестнул по окнам.

Крупская и Ленин постояли с минутку, прислушиваясь к дождю. Потом они глянули друг на друга — каждый с таким видом, что и руками разводить не надо было. Понятно, дескать?! Дождь. Вот он!..

Потом Владимир Ильич сказал:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что вы есть у меня... такие. Только я, знаешь, все-таки позвоню дежурной телефонистке, попрошу, чтобы она в семь тридцать осторожно звякнула. Это на случай, если прекратится дождик.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

И они разошлись по своим комнатам.

Но Владимир Ильич позвонил на коммутатор не сразу.

Уселся за стол. Достал из ящика папку, набитую бумагами самых всевозможных размеров.

Некоторое время перебирал их и на листочке в сторонке что-то записывал.

Записывал и перебирал.

Несколько раз с опаской оглянулся на дверь.

Послушал, как барабанит по стеклам дождь.

Наконец взялся за телефонный аппарат.

Говорил очень тихо, не желая тревожить, а скорее — таясь от домашних.

Разговор Ленина с дежурной телефонисткой кремлевского коммутатора

ЛЕНИН: Это Олимпиада Самсоновна? Поздравляю вас с наступающим праздником и от души желаю самого счастливого долголетия.

ТЕЛЕФОНИСТКА: Спасибо, Владимир Ильич, желаю и вам того же.

ЛЕНИН: Попрошу вас, Олимпиада Самсоновна, сделать следующее. Запишите, пожалуйста.

ТЕЛЕФОНИСТКА: Я готова.

ЛЕНИН: Прежде всего свяжите меня с дежуркой команды «Сорок скороходов». Кто у них там сегодня за старшего дежурного?

ТЕЛЕФОНИСТКА: Самокатчик Кондратьев.

ЛЕНИН: Значит — с товарищем Кондратьевым. Это первое. Второе — соедините меня с дежурным членом редколлегии «Правды», а после разговора с ним — с товарищем Цюрупой.

ТЕЛЕФОНИСТКА: Хорошо, Владимир Ильич.

Тут надо объяснить: кто такие были «сорок скороходов», или, как их еще называли, — курьеры Кремля.

В те годы телефонов в Москве было мало, к тому же работали они скверно. А правительственная переписка

велась большая и секретная, особенно по военным делам.

Автомобилей тоже не доставало. Да что там автомобилей?!

Бензина на одну поездку, и то иной раз не удавалось раздобыть.

В трудном этом положении очень пригодились самокатчики — специальные связанные велосипедисты. Они хорошо зарекомендовали себя на фронтах. Велосипеды у них были складные. На случай, если спустит шина или поломается что-нибудь в «самокате». Тогда сложенный велосипед — за плечи! И — пешком! Не быстро, зато надежно.

Сформированный в Кремле отряд самокатчиков обслуживал Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Оборона.

Работы парням хватало. Дежурили они круглосуточно. Разъезжали по всей Москве, в любую погоду.

С пакетами.

От Ленина.

Жили по соседству со зданием правительства, в бывшем Чудовом монастыре.

Разговор Ленина с дежурным самокатчиком

Рабочий стол В. И. Ленина в его комнате.

ЛЕНИН: Это товарищ Кондратьев?

САМОКАТЧИК: Так точно, товарищ председатель Совета Народных комиссаров.

ЛЕНИН: У вас там должна быть памятка на завтра — куда и когда доставлять сводки.

САМОКАТЧИК: Так точно, есть.

ЛЕНИН: Прошу вас сделать следующее: переправьте, пожалуйста, 18 часов на 19, где значится — Введенский народный дом, и все остальное сдвиньте соответственно на час. Понимаете?

САМОКАТЧИК: Все усвоил, товарищ Ленин.

ЛЕНИН: Вот и отлично. Желаю вам спокойного дежурства и самого наилучшего завтрашнего праздника.

САМОКАТЧИК: Спасибо, Владимир Ильич, но сегодня — уже сегодня. Первое мая наступило.

ЛЕНИН (усмехнулся): Для меня еще нет. Для меня пока еще вчера. Вот когда посплю, отдохну...

САМОКАТЧИК: Желаю вам приятного сна, Владимир Ильич.

ЛЕНИН: Спасибо. Да, вот еще вопрос, товарищ Кондратьев: что вы думаете насчет дождя? Прекратится?

САМОКАТЧИК: Так ведь кто его знает, Владимир Ильич. Да, и к вам у меня вопрос. Можно? А если дождь — вы тоже будете, где написано?

ЛЕНИН: Буду.

Только Ленин положил трубку, как сигнальная лампочка вспыхнула вновь.

Разговор тов. Ленина с дежурным членом редколлегии „Правды“ тов. Астаховым

ЛЕНИН: Здравствуйте, товарищ Астахов, извините, что отрываю вас от дел.

АСТАХОВ: Да что вы в самом деле?! Здравствуйте, Владимир Ильич.

ЛЕНИН: Как дела с завтрашним номером?

АСТАХОВ: Спасибо, как будто все благополучно. Номер в машинах.

ЛЕНИН: А почему «как будто»?

АСТАХОВ: Так ведь в нашем газетном деле всякое бывает. Сейчас одно...

ЛЕНИН: А через пять минут другое? И прямо противоположное?

АСТАХОВ: Бывает, случается...

ЛЕНИН: Вот это и плохо, что бывает. В нашем газетном деле, как ни в каком другом, все должно быть пронизано принципиальностью, высокой партийной принципиальностью. Это азбучная истина. Впрочем, я это слышал от вас самих. А сейчас я вот по какому поводу.

АСТАХОВ: Да, Владимир Ильич.

ЛЕНИН: Я писал об этом в Секретариат ЦК специальной запиской. Многократно говорил и еще раз обращаюсь к вам. Убедительно прошу: все статьи о Польше и польской войне просматривать самым внимательным образом. Нельзя пересаливать. Нельзя впадать в шовинизм. Надо отличать панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши.

АСТАХОВ: Я знаю, помню об этом, Владимир Ильич.

ЛЕНИН: Очень хорошо. А как вы заверстали статью Горького?

АСТАХОВ: На первую полосу, сверху, справа. «Путь к счастью».

ЛЕНИН: Совершенно правильно. А номерок вы мне пришлите с курьером, пожалуйста. Будьте здоровы.

АСТАХОВ: Спокойной ночи, Владимир Ильич.

ЛЕНИН: Минуточку-минуточку. А как у вас с дождем?

АСТАХОВ: Хлещет.

ЛЕНИН: И у нас.

Ленин положил трубку и откинулся на спинку кресла. Посидел с минуту зажмурившись.

Беспорядочный шум дождя за окном перебила поступь доброй дюжины ног.

Шагала смена постовых.

Ленин потер кулаком лоб.

Обернулся вдруг.

В дверях стояла Надежда Константиновна. Притихшая, настороженная.

Владимир Ильич улыбнулся:

— Находишь, что у меня усталый вид?

— Немножко есть.

— Не немножко, а изрядно. Устал я. Сегодня был очень трудный день.

— Только сегодня? — усмехнулась Надежда Константиновна.

Ленин подошел к ней. Смущенный, виноватый.

— Сердишься?

— Тревожусь.

Владимир Ильич взмолился. В шутку, конечно:

— Пожалуйста, разреши, я только скажу еще пару словечек Цюрупе.

Надежда Константиновна будто бы сердилась. Проворчала:

— И отругай его, пожалуйста, хорошенечко за то, что не дает людям спать. Смотри, тебя к аппарату.

У телефона предупредительно мигала лампочка.

Владимир Ильич вернулся к столу и уселся. И ничуть не было похоже, что для минутного разговора.

Разговор В. И. Ленина с народным комиссаром продовольствия А. Д. Цюрупой

ЛЕНИН: Александр Дмитриевич, я не стащил вас с постели?

ЦЮРУПА: Какое там?! Полуночицаю, Владимир Ильич.

ЛЕНИН: Сколько же дней вы не были у нас! Но сейчас я по другому поводу. Суть в следующем: на заводе в Сормове выполняется наше архиважное задание. Сормовичи экстренно налаживают производство танков.

ЦЮРУПА: Да, и похоже, что Красная Армия в самое ближайшее время получит на вооружение первые советские танки.

ЛЕНИН: Так, так, получит, говорите?

ЦЮРУПА: Должна получить.

ЛЕНИН: А если в самое ближайшее время не получит?

ЦЮРУПА: Владимир Ильич, но я всего-на-всего нарком продовольствия. Будь в моей воле...

ЛЕНИН: И это говорите вы — интендант рабочего класса, интендант революции?

ЦЮРУПА: Владимир Ильич...

ЛЕНИН: Хорошо, хорошо, я ведь не нападаю. Хм, попробуй я вас задеть — досталось бы мне на орешки от Надежды Константиновны. Нет уж, давайте по-хорошему.

ЦЮРУПА: Согласен, тем более, что вам нужно спать.

ЛЕНИН: О!

ЦЮРУПА: Владимир Ильич, я знаю, в чем дело. Мы разрешили выдавать рабочим сормовского завода муку как премию за выполнение производственных заданий. Произошел перебой. В данное время в Сормове нет муки ни фунта. Ну, нет...

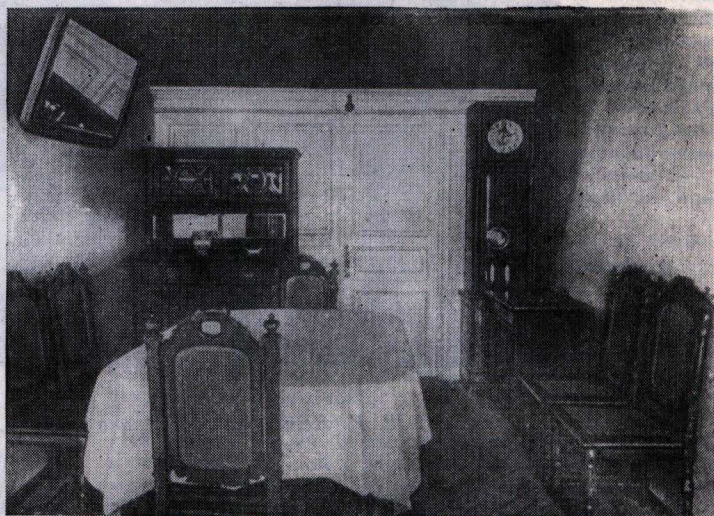
ЛЕНИН: Александр Дмитриевич, я отлично понимаю ваше положение и... положение сормовских рабочих. А что, если сделать так? Вот вы говорили, что в Кубанской области и на Кавказе, освобожденных от денкинцев, скопились громадные запасы хлеба. Что, если перебросить немножечко из этих запасов сормовичам, а?

ЦЮРУПА: Да, Владимир Ильич, хорошо бы. Я уже говорил с Дзержинским, и он обещал выделить вагоны. Даже грозился дать паровоз!

ЛЕНИН: Прекрасно, Александр Дмитриевич, прекрасно. И последнее.

ЦЮРУПА: Самое последнее?

ЛЕНИН: Самое-самое. Видите ли, сегодня на Совете Труда и Обороны мы решили командировать Семашко на фронт для улучшения санитарной службы, и далее, и так далее. Николаю Александровичу надо всячески помочь. Вы же знаете, какой у Семашко характер, если дело касается его личной жизни. Он никогда ни о чем не попросит для себя. Я знаю: уедет,

«Столовая» квартиры В. И. Ленина.

а семья останется в нужде. Знаю: будут голодать. Так вот, настоятельно прошу вас, Александр Дмитриевич, позаботиться...

ЦЮРУПА: Понимаю, Владимир Ильич, позабочусь.

ЛЕНИН: Спасибо вам большое. Что-то у меня было еще — самое последнее. Да, как вы смотрите на дождь? Перестанет?..

ЦЮРУПА: Вполне возможно.

Дождь хлестал вовсю.

Вместе с курсантами

...Утром, по пути на субботник, Ленин поздравил с праздником курсанта Спицына, охранявшего его квартиру. Спицын поздравил Владимира Ильича. Разговорились.

Ленин частенько останавливался возле часовых [ему это разрешалось] и расспрашивал их: об учебных делах, что пишут из дому?

Оказалось: Спицыну давно уже не было писем. Но оказалось, что и сам он давно не писал домой.

Владимир Ильич по-отечески пожурил курсанта.

За ночь дождь пролился весь.

Построение кремлевских курсантов было назначено на восемь тридцать.

В. И. Ленин на субботнике в Кремле 1 мая 1920 года.

Пока строились — правым флангом у Царь-колокола, — играл духовой оркестр.

Вплотную к левому флангу не столь стройно выстраивались работники кремлевских учреждений.

Народу накапливалось изрядно. Настроение у всех было приподнятое. И даже торжественное.

Вдруг раздался выкрик:

— Ленин!..

И дрогнули шеренги, заколыхались.

Владимир Ильич вышел из совнаркомовского подъезда. Огляделся и направился к строю курсантов, прямо к комиссару товарищу Борисову.

Подожел. Козырнул. Спросил:

— Разрешите встать в строй?

Окажись кто угодно на месте комиссара — не нашелся бы сразу, что ответить.

— Строй военный... — будто извинялся комиссар.

Ленин улыбнулся:

— А я сугубо штатский.

И тем приободрил комиссара.

— Если Вам подчиняется председатель Реввоенсовета республики, — сказал товарищ Борисов, — то Вы безусловно должны стоять во главе строя. Прошу встать на правый фланг.

И Ленин занял место на правом фланге. Это, пожалуй, был единственный случай в жизни Владимира Ильича, когда он стоял в воинском строю.

Да, единственный.

Он стоял правее самых правофланговых, самых рослых курсантов, и с хитринкой поглядывал через левое свое плечо на соседа. Вверх, разумеется, поглядывал. И похоже было, что сам-то Владимир Ильич смущен этим необычным случаем.

Часы на Спасской башне пробили девять, и одновременно раздалась артиллерийские залпы, возвестившие начало Всероссийского субботника по всей Москве. По всей республике.

Грянула музыка.

Подразделения расходились по работам, но первое отделение первого взвода, возглавленное теперь Лениным, почему-то не трогалось.

Не заметил Владимир Ильич, как Борисов украдкой, знаками приказал курсантам оставаться пока на месте. Он подошел к Ленину.

— Владимир Ильич, понимаете... может быть... если Вам перейти к другим... — нерешительно предложил было комиссар.

Ленин спросил:

— Собственно, почему же?

Борисов понимал, что никакие выдумки здесь не помогут. И признался чистосердечно:

— Вы посмотрите, какие ребята. На самую тяжелую работу назначены. Вам будет очень трудно.

На секунду-две сдвинулись брови Ленина, и спрятал он глаза. Оценивал обстановку и свои возможности.

И согласился... почти.

— Хорошо, — сказал Владимир Ильич, — если мне будет, как вы говорите, очень трудно, тогда я попрошусь на работу полегче. Идет?!

— Идет!

Борисов обрадовался, уверенный, что Ленин не сумеет работать наравних с рослыми правофланговыми курсантами. Во всяком случае, долго не сможет работать.

Комиссар отступил на несколько шагов.

Скомандовал:

— На-пра-во!..

И пошли.

Песня вскинулась над строем:

«Смело, товарищи, в ногу...»

Впрочем, она только залихватски вскинулась и сразу же потонула в других, слилась с другими песнями...

Легче и проще всего сравнивать дружно работающий коллектив с муравейником, но здесь никакого другого сравнения и не найти было. В тот день Кремль походил на большой-пребольшой муравейник.

Перед участниками субботника в Кремле стояла задача — очистить кремлевскую территорию от всевозможного хлама и мусора, а попадись полезные материалы — отобрать их. Как это делается у рачительного хозяина.

Громадная площадь, пролегающая между колокольной «Иван Великий» и Николаевским дворцом, за минув-

шие военные годы превратилась в форменную свалку. Здесь скопились груды щебня, кирпича, обломков чугунных оград, бревен, булыжника, строительного мусора, останков армейских повозок, каких-то колченогих диванов и кресел со вспоротыми внутренностями — словом, груды всевозможного добра. И все это полагалось сгрести, собрать, рассортировать и... на себе или на тачках убрать из Кремля.

Ленин работал как будто спокойно. Как будто он занимался обычными своими делами — таскал бревно.

Именно спокойствие Ленина и удивило курсантов, работавших с ним, и всех, кому довелось тогда видеть его на субботнике.

А Владимир Ильич радовался в душе. Ведь если в Кремле вышло на субботник столько народу, то сколько всего работало — по всей Москве, по всей России?! Ведь субботник был всероссийским! Ведь по предложению Ленина Девятый съезд партии решил провести этот субботник, чтобы за ним последовали другие и другие. Ведь утверждалась новая, социалистическая форма труда...

Как же было не радоваться тут, не волноваться?! Да, ныне работали по его предложению, но инициатива была не его. Еще в прошлом году придумали и начали устраивать субботники московские железнодорожники. Они устроили первый, пускай в своем депо, но первый коммунистический субботник. Ремонтировали паровозы. Добровольно. В свободное свое время. Не дожидаясь каких-то указаний или советов руководящих деятелей. А Ленин только приметил и написал об этом. Только поставил в пример как — Великий почин.

Вот что, к несказанному удивлению курсантов, придавало Ленину сил.

Ленин получал истинное наслаждение, когда поднимал и таскал бревно — не в одиночку, разумеется, а коллективно, вшестером.

Делалось это так: бревно накатывали на три жердны, затем по двое брались за концы жердей, поднимали и несли, стараясь шагать в ногу. Бревно покачивалось в такт шагам, вызывая тем успокоение: «так, так, все в порядке, так...»

Так одно за другим.

И вдруг Ленину открылась маленькая особенность в этой размеренной и успокоительной работе. При каждом подходе к бревну товарищи Владимира Ильича по бригаде норовили отеснить его к вершине — к тонкому концу бревна, чтобы Ленину было легче.

Заметив такую предупредительность по отношению к себе, Ленин дважды еще проверил это, и убедился — да! Причем, курсанты все время многозначительно переглядывались с комиссаром. Конечно же, они были в сговоре.

Тогда Владимир Ильич запротестовал, обратившись к Борисову. Тот работал с ним в паре.

— Жалеете? Облегчаете мою участь?

— Да, — признался комиссар.

— Нет, — сказал Ленин.

И перешел к толстому концу бревна.

Борисов не отступал, пытался уговаривать потихоньку.

— Владимир Ильич, вы-то пожалейте, если не нас, то себя. Вам ведь, простите, исполнилось пятьдесят...

Ленин покачивал головой, словно сочувствуя комиссару, но сам щурился хитро-хитро.

— Да, представьте...

А потом Борисов с курсантами пустились на новую хитрость. В пару с Лениным встал рослый курсант — на голову выше Ленина.

Владимир Ильич сразу разоблачил это наивное плутовство и подозревал Борисова.

— Нуте-ка, нуте-ка, займите свое место.

Вскоре наступил перекур.

Посадка деревьев в Москве 1 мая 1920 года.

Ленина вмиг окружили курсанты, перед тем работавшие в отдалении от него.

Кто-то попросил:

— Владимир Ильич, расскажите, пожалуйста, о текущем моменте.

Ленин ответил:

— Для этого у нас мало времени. Отдыхайте, товарищи, набирайтесь сил и снова за работу!

Кто-то протянул Владимиру Ильичу кисет с махоркой.

— Закурите.

Ленин отказался.

— Спасибо, не курю.

— А когда-нибудь вы курили? — не отвязывался задалый, видно, курильщик.

— Да.

И Ленин рассказал, как, будучи еще в гимназии, он накурился однажды до такой тошноты, что и теперь курить неохота...

Но при этом в памяти Владимира Ильича возник другой случай — куда более серьезный. То был разговор с Марией Александровной, с матерью. Давнишний разговор.

Владимир Ильич учился тогда в последнем классе гимназии.

Отца уже не было в живых.

По приказу царя повесили старшего брата Александра.

Володя остался старшим мужчиной в семье и главным советчиком Марии Александровны. Он относился к матери нежно, чутко, преданно. Не то, чтобы гнева — не вызывал в ней малейшего недовольствия. Мария Александровна ценила это и в ответ дарила сыну родительское свое уважение. Не надо только путать уважение с почитанием. Охи да вздохи, вроде: «ты у меня самый умница, ты у меня самый красивый, самый талантливый... самый, самый...» — в семье Ульяновых таких слов не употребляли. И тогда Мария Александровна сказала прямо:

— Володя, ты куришь.

— Да, мамочка.

— Это твоё дело, — продолжала Мария Александровна, — только не забудь, пожалуйста, что ты теперь

в семье старший, что семья наша большая, а прожиточных средств у нас мало. Подумай, можно ли расходовать деньги на курение?

— Хорошо, мамочка...

И больше он никогда не выкурил ни единой папиросы.

Об этом Владимир Ильич не рассказывал курсантам.

... После перекура снова таскали бревна, но недолго. А потом взялись за кирки. Разбивали слежавшийся щебень.

Кирка в руках Ленина оказалась не очень-то послушной. Она вертелась и ударяла то вкось, то вовсе плашмя.

Тогда Владимир Ильич взмолился:

— Помогите, пожалуйста, обучите этой премудрости.

Комиссар, понятное дело, показал, как лучше держать кирку, как замахиваться и ударять ею.

Но бывает так, что не все сразу получается, и Ленин попросился на другую работу — таскать на носилках щебенку. А может быть, кирка ему не понравилась?!

Всякий, кто видел, как Ленин старается работать — почти бегом, — всякий удивлялся. Можно было подумать, что Владимир Ильич решил переделать все в один день. И это взбудораживало и подстегивало других. Каждому хотелось работать с Лениным вровень.

В первом часу Владимир Ильич обратился к Борису:

— Прошу разрешения прекратить работу на субботнике, — и развел руками, — надо!

Борисов ответил:

— Благодарю вас, Владимир Ильич, за отличную работу. От лица всего нашего курсантского коллектива благодарю.

Дальше Ленин спешил, спешил.

Домой. И прежде всего — к телефону.

Владимир Ильич зашел в свой служебный кабинет, а там ждал его художник Альтман — он лепил бюст Ленина.

— Нет, нет, — сказал Владимир Ильич, — сегодня праздник, и все должны отдыхать.

На Театральной площади

Москвичи дружно прибирали Театральную площадь. Сгребали мусор, что накопился за зиму, готовили клумбы для цветов, ухаживали за деревьями.

А в той части площади, где предстояла закладка памятника, артель рабочих копала яму.

Вездесущие мальчишки терялись в догадках — зачем такая яма? — хотя во все исторические эпохи, на всем земном шаре они узнавали, узнают и будут узнавать всякую новость раньше других. Уж такое предназначение у мальчишек. Они должны бежать впереди всех. И даже впереди оркестра! Они должны узнавать все, все, все. Если хотите знать — любопытство мальчишек и девчонок, конечно, является главным двигателем научного и технического прогресса. Ведь каждый ученый был когда-то мальчишкой или девчонкой и совал свой нос во все непонятное, во все неизведанное.

Но здесь, на Театральной площади, мальчишки сплывали. Так и не сумели они создать стройную, достаточно обоснованную гипотезу: зачем яма? И зачем каменный столб, обтесанный с четырех сторон?

Это правильно было, что на памятнике вместе с Карлом Марксом стояли две фигуры рабочих со знаменем. Пролетарии всех стран! Но почему памятник не бронзовый? Из мела будто бы. Такого не надолго хватит.

Гадали мальчишки.

Хлопали на ветру алые знамена.

Празднично светило солнце — чистое, яркое, точно вымытое весенним дождем.

Кто-то вдруг крикнул:

— Автомобиль!

И вскинулись возгласы:

— Ленин!

— Ленин!!

— Ленин!!!

Этого мальчишки не прозевали. И обнаружили. И возвестили. Владимир Ильич с завидной легкостью соскочил с подножки автомобиля.

Его сразу обступили. Так что стоявшим в непосредственной близости пришлось взяться за руки и сдерживать напор толпы.

Музыканты находились поодаль и наигрывали вальс из оперетты, а когда сообразили — по какому поводу произошел переполох, — тоже кинулись к месту происшествия и заиграли марш из оперы «Фауст», музыка Гуно.

Сначала получилось нестройно, вразброд.

Владимир Ильич разводил руками. Недоумевал и протестовал: куда это годится? Тут люди работают, а тут никак — парадная встреча.

Но оркестранты воодушевились еще больше и грянули изо всех сил. Уже по нотам. Стройно. Вдохновенно.

Отовсюду неслись выкрики.

— Да здравствует Всероссийский субботник!..

— Да здравствует мировая революция!..

— Да здравствуют товарищи Карл Маркс и Ленин!..

За старшего был здесь сотрудник ВЦИКа Зинченко. Владимир Ильич поздоровался с ним и спросил:

— Народные комиссары еще не собрались? — И, не дождавшись ответа, забросал Зинченко вопросами: — Каковы успехи?.. Много ли собралось народу?.. Вероятно, очень устали?..

Зинченко рассказал, что происходило на их участке.

Для закладки памятника все было подготовлено.

Успели ко времени. Особенно радовало единодушие, с каким вышли москвичи на субботник. Народу явилось сверх плана. Какая там усталость?! Работают — не налюбоваться. Горы свернули... Горы мусора, естественно, что накопился за зиму. Автомобили — без бензина. Лошади — на фронте...

Пробившись к макету будущего памятника, Ленин дважды обошел его вокруг. Рассматривал пристально. Тут и некоторые наркомы подоспели.

— А где же наш уважаемый Анатолий Васильевич? — спросил Ленин. — Может быть, он снова раскрашивает деревья?..

Что было, то было...

Наряжали Москву к празднику. Как говорится суконым канцелярским языком — персональную ответственность возложили на народного комиссара просвещения А. В. Луначарского.

Все протекало хорошо, но в одном месте вышла промашка.

Группе художников поручили украсить Александровский сад, расположенный возле западной стены Кремля. А те самые художники оказались поклонниками абстракционного искусства. Они тогда называли себя футуристами. В действительности же... Сами посудите, эти футуристы взяли да и покрасили стволы деревьев масляными красками во всевозможные цвета и оттенки.

Владимир Ильич прогуливался по саду и вдруг... Как будто попал на открытие выставки — на вернисаж! Схватился за голову. Вот так украсили! Вознегодовал он страшно.

— Кто допустил это издевательство над великолепными вековыми липами? Почему деревья окрашены в фиолетовый, красный и малиновый цвета? Немедленно смыть эту краску!

Просто красится, да не просто смывается.

Даже специально вызванные красноармейцы не смогли сразу смыть с деревьев въедливую краску...

Владимир Ильич при случае не раз вспоминал об этом. Вот и сегодня вспомнил.

Появился, наконец, Луначарский.

Поздоровались.

Анатолий Васильевич представил Ленину скульпторов, безусловно настороженных до крайнего предела. Как отзовется Владимир Ильич об их работе?

Ждали.

Все ждали: что скажет Ленин?

Луначарский не удержался. Спросил:

— Как находите, Владимир Ильич?

Ленин подумал было и ответил:

— Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы волосы вышли похожими, чтобы создавалось впечатление от Карла Маркса, которое получается от хороших его портретов. — И обратился ко всем присутствующим: — Товарищи, товарищи, пора начинать.

Все заспешили к трибуне. Там собралось уже большое множество народу. Колонны рабочих стекались туда с самых дальних окраин Москвы.

... Хотя и была запружена людьми Театральная площадь и не было в те времена никакой радиоусиливающей аппаратуры, голос Ленина доносился до краев площади.

Притихла площадь. Народ слушал своего любимого Ильича.

После речей началась закладка памятника.

Владимиру Ильичу подали золотую дощечку и какую-то металлическую палочку.

— Распишитесь, пожалуйста.

Конечно, Владимир Ильич достал свою автоматическую ручку. Но ему сказали:

— Нет, нет, на такой дощечке можно писать только стальным карандашом. И нажимайте, пожалуйста, посильнее.

Ленин спрятал свою ручку и ловко расписался по-данному ему стерженьком. Как будто он всю жизнь расписывался на подобных дощечках. С большим удовольствием расписался.

«Председатель Совнаркома Вл. Ульянов (Ленин)».

И передал дощечку Луначарскому.

Анатолий Васильевич тоже расписался.

А затем дощечка пошла по рукам представителей рабочих делегаций.

Исписали ее всю.

Кинооператоры старались заснять эти быстро сменяющиеся эпизоды, вовсе не пышные, не парадные, а простые, но именно в этой простоте и замечательные.

Операторам трудно было управляться с тяжелыми, громоздкими аппаратами. Народ напирал со всех сторон. Ленин заметил это и вмешался. Оберегая оператора Тиссе, он обратился к окружающим:

— Товарищи, товарищи, надо посторониться. Человек работает!

В. И. Ленин 1 Мая 1920 года.

И кинематографистам посчастливилось тогда заснять эти кадры. Жалко — мало... Но, все равно, спасибо большое.

Дощечку положили на дно ямы.

Владимир Ильич подошел к краю и заглянул вниз. Тут он сделался похожим на мальчишек, которые недавно пытались так же вот разглядеть все и осмыслить.

Ленину подали лопату, и он вместе с рабочими принялся засыпать яму.

Работал спокойно, сосредоточенно.

Поверх закопанной ямы полагалось уложить мраморную доску с надписью.

Ленин попросил:

— Ну-те-ка, дайте прочесть.

И прочел:

«1 мая, в 3-ю годовщину диктатуры российского пролетариата, волею трудящегося народа, на этом

месте закладывается памятник великому вождю и учителю мирового пролетариата Карлу Марксу. — Совет народных комиссаров и Московский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов.»

После того Владимиру Ильичу дали мастерок — неизменный инструмент строителей. Объяснили, конечно, как им пользоваться.

И Ленин, преисполненный радости и гордости, вложил в фундамент будущего памятника несколько кирпичей. Первых!

Поверх фундамента рабочие установили четырехугольный гранитный столб, недавно приведший в замешательство целый отряд мальчишек.

На этом закладном камне были выбиты слова:

«Первый камень памятника великому вождю и учителю всемирного пролетариата — Карлу Марксу».

(Окончание следует.)

Стихи эстонских поэтов

ВОРОН - ЯГОДНИК

Хелье Мянд

Как-то раз, издавека,
На двуколке ветерка
В лес поехал ворон:
Там, в малиннике, в кустах,
Ягоды во всех местах
Исклевал, как вор, он.
Тяжело перелетел —
Отдохнуть от этих дел —
На верхушку ели:

Крылья мощно распластал —
И качаться ворон стал,
Словно на качели.
Ягодники в лес придут,
Ничего здесь не найдут,
Страшно удивятся:
«Крак! Крак!
Все — брак!
Нет у ягод, братцы!»

Перевел Б. Кежун

МОЙ НОС

Оливия Саар

Мой нос покрыло солнце
Гурьбой веснушек рыжих,
Вперед он выдается
И, значит, к солнцу ближе.
Нос очень дружен с головой,
Но он такой передовой.
Вперед стремится он всегда
И все кругом исследует,
Причем суется иногда
Туда, куда не следует.

Перевел С. Погореловский

Рисунки А. Бора

Л. Эфрос

Рисунки Н. Муратова

В центре Ленинграда, у Петропавловской крепости, из-за веселого выкрашенного голубой краской забора неожиданно прогремит львиный рык, ему откликнется трубная музыка слоновьего клича, характерно прокашляет шакал... Здесь находится Ленинградский зоопарк.

Сто лет тому назад, 1 августа 1865 года, впервые распахнулись ворота этого второго по старшинству, после Московского, зоопарка страны. И за эти сто лет работники зоопарка были свидетелями множества любопытных и забавных историй.

БЕГЛЕЦЫ

Обычно работники зоопарков тщательно следят за тем, чтобы звери не вырывались из клеток. Еще бы, вы сами представляете, что, например, могут натворить вырвавшиеся на свободу лев или слон на ленинградских улицах...

И все же, несмотря на все предосторожности, случаи бегства зверей бывают.

Случалось, что кавказские туры перепрыгивали через решетку ограждения и поймать их удавалось только у Московского вокзала (очевидно, хотели уехать на родину). В торговом порту сорвался однажды с цепи трехлетний слоненок «Володька». С трудом удалось заманить его лакомствами. В первую же ночь своего приезда прогрыз крепкую де-

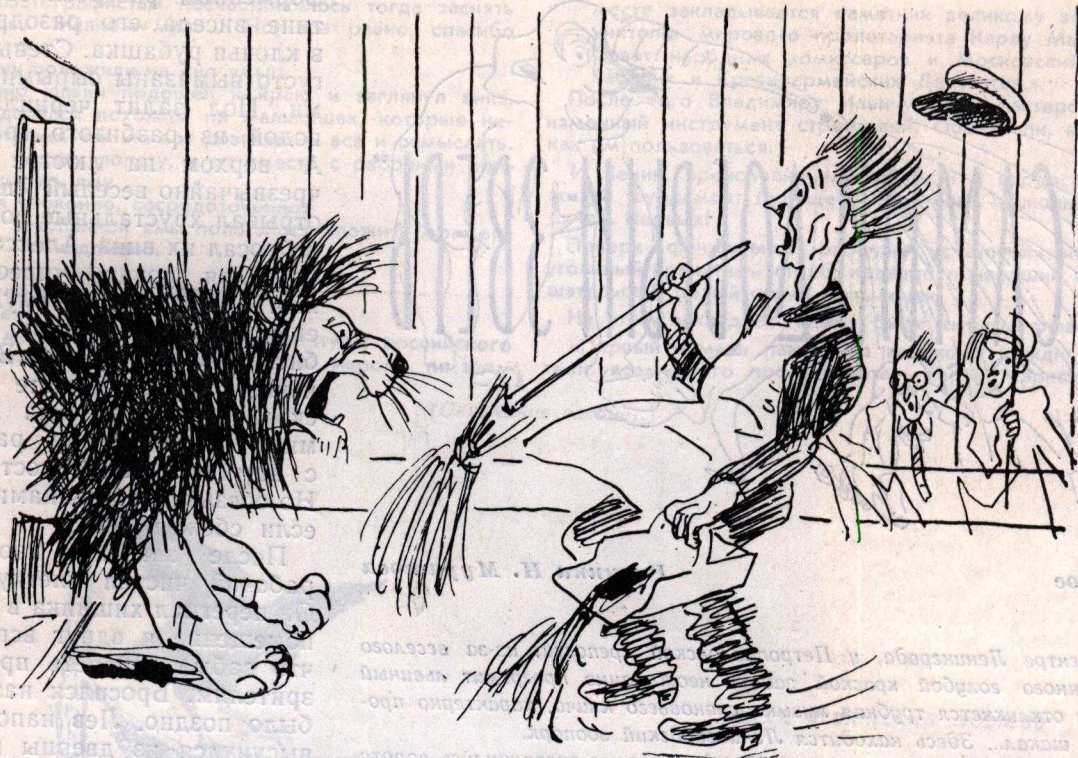
ревянную решетку и сбежал медоед — хищник из семейства куниц. Только по исчезающим по ночам уткам, которыми он кормился, догадывались, что беглец прячется на территории зоопарка. Полтора месяца находился хитрый медоед в бегах и лишь совершенно случайно обнаружили его нору, вырытую на берегу канала и тщательно замаскированную кустами.

А вот обезьяна лапундер Яшка сбежал прямо в номере клайпедской гостиницы, куда привез его заведующий зоочастью Ленинградского зоопарка Владимир Михайлович Александров. Яшка открыл зубами запор транспортного ящика и быстро выбрался на волю. Вошедший в номер Владимир Михайлович застал там

форменный разгром. На картине висела его разодранная в клочья рубашка. Стены были густо вымазаны сырыми яйцами. Пол залит чернилами и водой из разбитого графина. А верхом на люстре сидел чрезвычайно веселый Яшка, он отрывал хрустальные подвески и бросал их вниз. Александров бросился ловить «преступника». А тот, убегая, умудрился еще сбросить картину и разбить оконное стекло. Вы, конечно, представляете себе, сколь неприятен был Владимиру Михайловичу разговор с администрацией гостиницы! Но обезьяны обезьянами, а вот если сбежит лев...

После закрытия зоопарка рабочий чистил клетку льва. Он перегнал хищника в зимнее помещение и вдруг вспомнил, что забыл запереть проход к зрителям. Бросился назад, но было поздно. Лев наполовину высунулся из дверцы и изготавился к прыжку на человека. Рабочий в ужасе бросился в служебное помещение, к счастью, оказавшееся поблизости. Лев улегся около тонкой фанерной двери и явно стал подкарауливать.

Прошло два часа. Лев караулил. Охрана, которой не сдали ключи от львятника, подняла тревогу. Подошли к львятнику, окликнули рабочего. Тот заплетающимся от страха языком объяснил, в чем дело. Тогда Александров, заведующий сектором хищников и охранник, вооружившись большими листами кровельного железа и ломом, вошли в львятник с противоположной стороны. В проходе было темно. И вдруг раздался страшный лязг железа. Это заведующий сектором споткнулся о совок и растянулся на листе. Охранник решил, что лев уже подмял товарища, и ринулся на выручку. Раздался еще более дикий грохот. Александров бросился вперед, дрожащей

рукой повернул выключатель и увидел: лев, испуганный внезапным лязгом и светом, вскочил в клетку, запор которой

лихорадочно закрывает рабочий, а на полу не на жизнь, а на смерть борются друг с другом охранник и заведующий

сектором. К счастью, все кончилось смехом, а могла быть трагедия. Дикie звери — не игрушечные...

ПЕРЕПОЛОХ НА ПОЧТЕ

Коллекция зверей в Ленинградском зоопарке все время обновляется. В Ленинград привозят животных из Африки и Индии, из Канады и Антарктиды. В десятки городов отправляют зверей и из Ленинграда. Животные пересылаются в посылках, доставляются поездами, самолетами и пароходами. И каких только приключений не происходит при перевозке зверей...

Однажды в дирекции зоопарка раздался отчаянный телефонный звонок. Сотрудник был срочно вызван в почтовое отделение. Когда он подъехал, то увидел, что почта бдительно охраняется тремя мили-

ционерами с пистолетами наготове. А все служащие отделения вскарабкались на письменные столы и стонут от ужаса. Оказывается, была случайно разбита посылка. И в ней оказались... змеи! И, конечно, они моментально расползлись по помещению. А змеи-то огромные, страшные... Только совсем безопасные. Полосы.

Небольших, сравнительно, змей отправляют посылками. А крупных хищных зверей? Их транспортируют преимущественно самолетами. Правда, хищники семейства кошачьих — львы, леопарды, барсы — плохие воздушные путешест-

венники. В самолетах их обычно тошнит. Не помогают даже мятные конфетки.

Крупную обезьяну-шимпанзе доставили в Москву из Голландии самолетом. А из Москвы в Ленинград ее везли в комфортабельном вагоне скорого поезда. Но вот беда — не нашлось ни одного пассажира, пожелавшего разделить купе с мохнатым соседом. Пришлось покупать на шимпанзе целых четыре билета...

Лет пятнадцать тому назад в зоопарке жил огромный слон Бэби, покладистый, с довольно миролюбивым характером. Но были у него некоторые странности — он терпеть не мог пе-

реездов. А при виде транспортных машин, запряженных лошадей, людей в военной форме и слесарей Бэби приходил в ярость. Слесарей он непонятным образом узнавал в самой густой толпе. И жестоко расправлялся с ними. Слон набирал на площадке грязь и камни и швырял их в ни в чем неповинных слесарей. Втягивал в хобот воду из поилки и обливал их с ног до головы. И вот этого-то чудака весом во много тонн Александрову с помощниками пришлось перевозить из Чехословакии в Ленинград. На вокзал Бэби, зная его странности, повели пешком и благополучно посадили в огромную, сваренную из стальных рельсов, клетку, с трех сторон обшитую толстыми досками. Неприятности начались на пограничной станции. Клетку с необычным пассажиром окружили любопытные железнодорожные мастера. Слон взъярился. Через несколько минут дубовые доски обшивки были превращены в щепки. Четырехосная платформа раскачивалась, как люлька. Бэби уже оторвал в месте сварки один из рельсов клетки. Еще минута — и быть бы беде. К счастью, испуганные зрители разбежались в разные стороны...

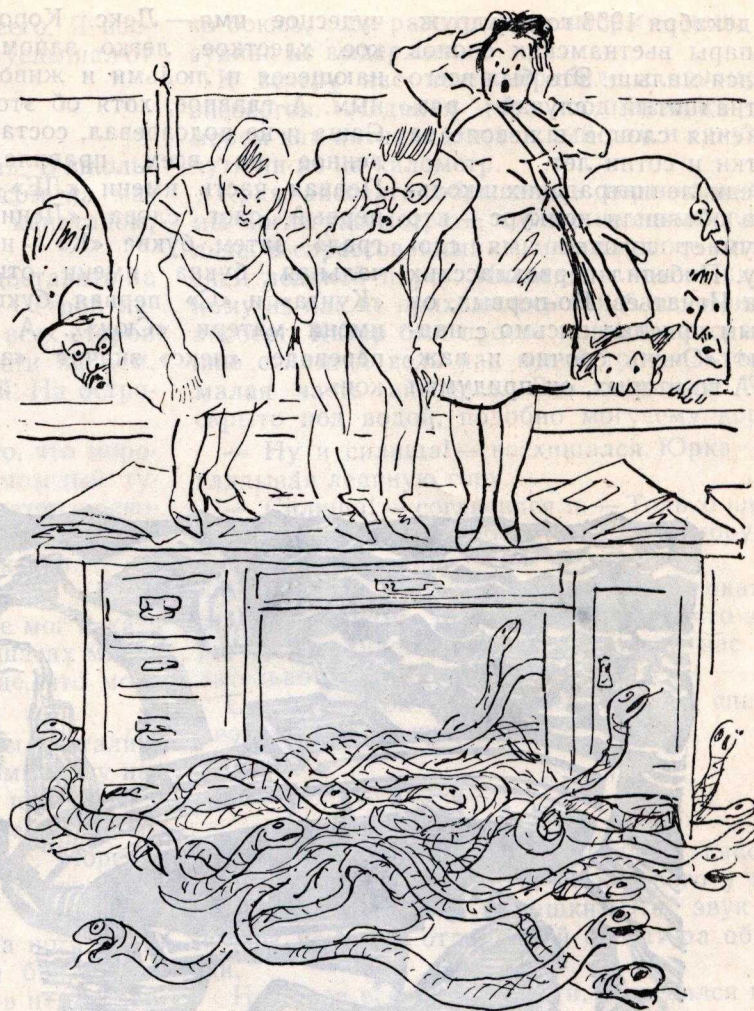
Только лакомства успокоили разбушевавшегося слона. Но не надолго. Когда в Карпатах поезд вошел в туннель, Бэби разъярился еще больше. Платформа, раскачиваемая слонем, билась о стены туннеля. Чуть-чуть поезд не пошел под от-

кос. Пришлось остановить состав...

Пять раз в пути чинили клетку слона. Чтобы успокоить, скормили ему мешки яблок, десятки килограммов сахара. Чтобы Бэби уснул, его допьяна поили сладким вином... Но буйства повторялись. Измученные, оборванные и из-

битые приехали сопровождающие в Ленинград вместе со своим норовистым спутником.

Через некоторое время Бэби повезли в Киев. Во время этого переезда он вел себя еще хуже. Сопровождавший слона рабочий поседел. Вот какой ценой иногда дается пополнение коллекции зоопарка...

СЕМЕЙСТВО ИЗ ВЬЕТНАМА

Уже 14 месяцев тяжело, но бесшумно ступая, пробирались они через густые заросли вьетнамских джунглей. Переправлялись через бурные реки. Замирали серыми скалами

при бомбежках. Так шли они к Ленинграду: могучие рабочие пятидесятилетние слон и слониха — Кунг и Сюн, подаренные президентом Демократической республики Вьетнам

товарищем Хо Ши Мином ленинградским пионерам. Еще четыре месяца пути по морю и по железной дороге и, наконец, — Ленинград.

Это было в 1954 году. А девят-

того декабря 1956 года удруженной пары вьетнамских слонов родился малыш. Это был всего девятнадцатый случай размножения слонов в неволе за десятки и сотни лет.

Среди ленинградских школьников объявили конкурс — кто придумает лучшее имя слоненку. Победил первоклассник Саша Игнатьев. Во-первых, он первым прислал письмо с надписью «Очень срочно и важно». А во-вторых, он придумал

чудесное имя — Лекс. Короткое, хлесткое, легко запоминающееся и людьми и животным. А главное, хотя об этом Саша и не подозревал, составленное по всем правилам. Первая часть имени «ЛЕ» — первый слог слова «Ленинград», затем буква «К» — начальная буква имени отца «Кунга» и «С» первая буква имени матери «Сюн»... А в переводе «лекс» значит «за-кон».

Бедному слоненку не повезло. Вскоре умерла слониха-мать, а потом и сам Лекс по недосмотру отца упал в ров и разбился.

И если вы придете в слоновник, то наверняка обратите внимание на печальные маленькие глазки Кунга, тоскующего по своей жене и сынишке. Будьте добры, скажите ему: «Привет из Вьетнама, Кунг». И старый слон благодарно протянет к вам хобот.

СЛЕД В ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Н. Войтенко

Гравюры А. Овсянникова

Когда я познакомился с Эдькой Кучумовым, он плавал штурманом на лесовозе. Этот жизнерадостный паренек родился и вырос на севере. Он привык к меховой парке и собачьим унтам, к ураганным ветрам и Ледовитому океану. За свои двадцать пять лет он побывал во многих местах Заполярья, работал радистом на метеорологической станции и слесарем на судо-

ремонтном заводе, ходил с охотниками бить морских котиков. Эдька знал столько всевозможных историй, что даже боцман дядя Вася, проплававший в полярных морях больше двух десятков лет, разевал рот от удивления, когда Эдька начинал рассказывать о своих приключениях.

Рассказывал он охотно и много. Но один его

рассказ мне запомнился больше всего. Я воспроизвожу его в точности так, как услышал от Эдьки.

* *

Случилось это несколько лет назад. В школьные каникулы я устроился матросом на маленький катер. Гошка Власов был капитаном, а Юрка Горбачев мотористом.

Однажды мы получили задание доставить на остров Туманный продовольствие. Остров лежал милях в сорока от берега, со всех сторон обдуваемый ветрами. Растительности на нем, кроме мхов и лишайников, никакой. На острове была база ученых-океанологов.

Нам сразу не повезло. Мало того, что моросил холодный дождь и полз промозглый туман, в десяти милях от острова катер наскочил на топляк и лишился винта. Мы целиком оказались во власти Ледовитого океана.

Проклятый туман сплошной стеной полз и полз с севера. Самолет, конечно, не мог искать нас в такую погоду. Даже в трех шагах мы не различали друг друга. Хорошо еще, что море было сравнительно спокойное.

Много дней, проклиная север, мы болтались в тягучем сером тумане. Кроме компаса, у нас не было никаких навигационных приборов, и определить точное местонахождение катера мы не могли. Но становилось холоднее. Морское течение несло нас явно на север, в открытый океан.

Однажды утром мы вскочили на ноги почти одновременно. Тугой луч солнца бил сквозь иллюминатор. Словно невесомые, в нем плавали пылинки.

Мы ринулись на палубу и остановились в изумлении. Над нами раскинулось бездонное голубое небо. А кругом — сколько хватал взгляд — хрустальная дымка полярного дня без единого клочка тумана. Впереди, отражаясь в воде, плыли два синеватых айсберга.

Яркое солнце слепило глаза.

— Ур-р-р-а-а! — не сговариваясь, закричали мы. Потом долго втягивали в себя чистый морской воздух. Все это было прекрасно. Но появление айсбергов настораживало нас. Катер, видимо, слишком далеко занесло в океан.

Будет ли в этом районе искать нас самолет?

Целый день, задрав головы вверх, мы пытались уловить в голубизне неба темную точку гидросамолета. Но небо было пустынно.

— Ничего! — утешал себя и нас Юрка. — Может, у берега еще держится туман и самолет не может подняться!

— Может, и так, — соглашался Гошка, осматривая в морской бинокль горизонт. — Толь-

ко боюсь, если разыграется шторм — наша посудина не выдержит.

К вечеру нас почти прибило к одному из айсбергов. Ледяная гора поднималась над морем как пятнадцатизэтажный дом и тянулась чуть ли не на километр.

Края айсберга обрывались вертикально, и мы могли рассмотреть, что это не единая глыба льда, а спрессованный из многих слоев гигантский ледяной пирог. Никогда в жизни ни одному из нас не приходилось так близко видеть айсберг. Катер был просто мошкой по сравнению с ним. А ведь над водой торчала только малая часть айсберга. Все остальное было скрыто под водой, подобно могучему корню.

— Ну и силища! — восхищался Юрка, разглядывая ледяную гору.

— Силища! — согласился я. — Только швырнет нашу посудину об эту ледяную гору — и поминай как звали.

Я не думал в тот миг, что мои слова окажутся пророческими. Мы были уверены, что завтра, ну, на худой конец, послезавтра нас обязательно разыщет самолет.

Со спокойной душой мы залегли спать в свою «берлогу»-кубрик.

* *

Среди ночи неожиданно раздался какой-то странный и жуткий звук, от которого у меня по коже пробежали мурашки. Этот звук был похож на треск отдираемой от катера обшивки.

Не успев вскочить на ноги, я врезался головой в переборку. Перед глазами пошли разноцветные круги, вращаясь все быстрее и быстрее. Тело пронзила острая боль. Что было дальше — я не помню...

Я очнулся от холода, попытался открыть глаза, но не смог это сделать сразу, потому что смерзлись ресницы. На голове я нашупал небольшую рану, а правая щека была глубоко рассечена. Кровь запеклась, и малейшее движение приносило боль. В голове звенело.

С величайшим трудом мне удалось подняться и оглядеться. Я стоял на ледяной площадке, сплошь окруженной ледяными торосами. Я никак не мог понять, куда попал. Мне казалось, что все это бред. Я уцепился за руку — по-прежнему и спереди и сзади, повсюду громоздились зубцы ледяных торосов. Громадный диск солнца висел над ними. Кругом — ледяная тишина.

Меня слегка поташнивало. Большое красное пятно расплылось по льду. Наверное, я потерял много крови. Но куда делись ребята?

Я сделал несколько слабых шагов — силы явно покидали меня. Пришлось сесть на обломок льда.

Где ребята?! Может быть, им требуется срочная помощь, а я спокойно сижу и отдыхаю?!

Я рванулся с места и от боли тут же упал. Пока я мог двигаться, я должен был искать ребят. Я попробовал ползти — и это удалось. Полз, расцарапывая ладони и извиваясь, как змея. Только вперед, только вперед. Я сжал зубы, чтобы не кричать от боли. И молил, чтобы скорее кончились торосы. А они возвышались нескончаемой стеной. Рана на щеке опять начала кровоточить.

Впереди встал невысокий ледяной барьер, и у меня уже не хватало сил преодолеть его. Сознание опять стало покидать меня...

Сквозь забытие я почувствовал, что надо мной кто-то склонился. Люди говорили тихо, но я отчетливо слышал каждое слово, хотя сам не мог даже пошевелиться.

— Нет, надо же иметь такой стальной лоб! — проговорил один из них. Я узнал Юркин голос.

— Черт те что! Пробрil потолок в кубрике и вылетел мгновенно. Можно было и концы отдать от такого тарана! — это явно говорил Гошка. Никто, кроме него, не произносил с таким смаком «черт те что!»

— Юрка, осторожней, осторожней перевязывай!

Тугой бинт ложился мне на голову виток за витком.

— Как ты его нашел?

— Сначала не его, а кусок штанины, — ответил Юрка. — Сюда меня привели капли крови на торосах.

Меня осторожно подняли и куда-то понесли. Только через несколько дней я узнал, что уцелели мы чудом. Наш айсберг, очевидно, подтаяв, перевернулся, и катер оказался заброшенным на его вершину. Из команды я пострадал больше всех, отлетев от катера далеко в сторону. Юрка и Гошка отделались легкими ушибами...

А пока у меня поднималась температура, и я бредил. Ребята сделали брезентовую палатку для жилья, а мне сшили спальный мешок из кошмы.

Целыми сутками, не отходя, они дежурили возле меня по очереди. Два раза в день меня растирали спиртом, и Юрка готовил специальный мясной отвар.

Наконец мне разрешили вылезти из мешка и выйти из домика. Наш лагерь располагался на крохотном, сравнительно ровном участке айсберга. Катер совсем рядом был зажат в торо-

сах. С него вынесли все, что можно было унести. Ящики с продуктами стояли в небольшом углублении у кромки торосов.

— Вот так, Эденька! — похлопал меня по плечу Юрка. — Не думали, не гадали, что придется поплавать по Ледовитому верхом на айсберге, а пришлось! — и он звонко рассмеялся.

Сказать по правде, смеяться было нечему. Наше положение — хуже не придумаешь.

— Ты сделал флагшток? — спросил Юрку Гошка, заканчивая пробивать топором траншею от нашего домика до края айсберга.

— Так точно, капитан, сделал!

— Тащите его сюда!

Мы с Юркой притащили к краю айсберга флагшток из прикрученных друг к другу трех досок и вставили его в расселину, а со всех сторон придавили глыбами льда. Мачта держалась крепко. На конце ее болтался кусок парусины.

— Ну что же, — произнес Гошка. — Начинается ледовая эпопея. В нашем распоряжении чудесный корабль с настоящим флагом!

— Корабль без руля и без ветрил, — усмехнувшись, сплюнул Юрка. — Да еще с флагом бедствия. Полярная экзотика! Чтоб ей было пусто! Три Робинзона на ледяном острове. А дело дрянь — надо решать, что будем предпринимать.

Мы заседали в палатке два часа и наметили первоочередные дела. Я уже выздоровел и мог вместе с ребятами выполнять любую работу. Мы не знали, сколько дней нам придется прожить на айсберге — месяц или больше. Брезентовый домик перестал защищать от холода, хотя даже спали мы, не раздеваясь, во всей одежде и ватных куртках.

Пришлось по досочкам разобрать весь катер. Получилось три небольших поленицы дров. В бочке к тому же оставалось около пятидесяти литров солянки. Насчет пищи мы не волновались. Запаса продуктов при строгой экономии нам хватило бы и на полгода.

Страшила полярная зима, которая могла прийти со дня на день. Картошка замерзла, потому что нам нечем было укрыть ее. Теперь мы ели сладкий суп и сладкое пюре.

Готовили мы прямо в домике, спасаясь от ветра. Дрова горели на железном листе, и лед под ним безнадежно таял. Вскоре посреди палатки зияла огромная дыра.

Первым нашим большим делом было строительство капитального дома. Досок для него не оставалось, поэтому лед оказался единственным строительным материалом.

— Лед так лед! — сказал Гошка. — В Гренландии строят изо льда и большие здания!

Мы по очереди дежурили у края айсберга, чтобы не прозевать случайный корабль, и одновременно строили дом.

Первый снег заставил нас взяться за дело с новой энергией. Мы решили углубиться в айсберг. За несколько дней нам удалось выдолбить яму на глубину около двух метров. Мы выровняли ее края, и образовалось нечто похожее на небольшую комнату. Кровать мы сделали тоже из льда. Одну на троих. Потом мы выдолбили в стене лестницу наверх, а в другой стене пробили небольшой чуланчик, куда перетащили все продукты, чтобы лишний раз не вылезать на улицу.

Куски жести от обшивки катера заменили крышу. Сверху мы набросали битого льда. Так на нашем корабле появился кубрик.

Юрка как-то умудрился сделать откидную крышку — вход. Теперь строительство можно было считать законченным. В метре от пола на проволочных растяжках мы привесили лист жести. Получилась висячая печь. Из противочной ветоши мы смастерили матрас. Правда, он получился тонкий, как блин. Зато матрас! В общем, дом вышел что надо!

Гошка все время жалел, что не захватил с собой фотоаппарат.

— Ну кто поверит, что и на айсберге можно иметь приличную квартиру со всеми удобствами! — шутливо сокрушался он. — Прямо хоть устраивай плавучие курорты!

Но как Гошка ни старался развеселить нас и развеять тягостные мысли, мы все трое понимали, что дело наше — дрянь.

Наступили настоящие холода. Мы ввели строгий лимит на топливо. Снег выпадал уже несколько раз. Каждое утро мы выходили наверх, делали гимнастику и, постояв минут пять на краю айсберга, мчались, заочневав, домой. Теперь сильные пронизывающие ветры дули каждый день. Но наша мачта с флагом держалась молодцом. Она гнулась, как тетива лука, скрипела и визжала, но оставалась на своем месте.

Полярная зима была на носу. Долгая темная северная ночь вступала в свои права. Все чаще и чаще в небе полыхали полярные сияния. Запасы топлива почти истощились, не было никаких надежд на то, что нам удастся перезимовать на айсберге.

Мы грелись теперь только раз в два дня. Глупо как-то получалось. Продуктов оставалось еще достаточно, но холод грозил нам смертью. С грустью мы смотрели на послед-

нюю кучку дров в углу комнаты. В баночке осталось несколько капель солянки для растопки. Мы берегли их как зеницу ока. На улицу мы теперь почти не выходили, чтобы не выпускать из дома остатки теплого воздуха.

Последнее полено мы сжигали в торжественном молчании. Полено горело долго и громко потрескивало. Из него выступали капельки воды и, пузырясь, исчезали.

Мы хорошо прогрели напоследок ноги, стараясь как можно дольше сохранить в них тепло. От ног все болезни.

Головешки дотлели, и наша комната погрузилась в сплошной мрак.

— Все! — раздался в темноте Юркин голос.

— Что все? — задумчиво произнес Гошка.

— Последнее полено, говорю, сгорело!

— А-а-а-а!

Наступило тягостное молчание. Потом Гошка обратился ко мне:

— Эдька, ты всю жизнь прожил на Севере. Сколько может человек продержаться без тепла?

— Один — мало.

— А если не один?

— То больше.

— А сколько?

— Не знаю! Один раз я пролежал с собаками в тундре двое суток.

— А сколько можем продержаться мы?

Я боялся этого вопроса. Только я, изъездивший Север вдоль и поперек, знал, что больше

Только теперь мы заметили небольшое углубление и отвороченную глыбу льда. В углублении в небольшой банке поблескивало несколько литров солярки, лежала пакля и сверху зажигалка.

— Скорее! Скорее, ребята! — шептал Гошка. — Корабль уходит!

Юрка схватил солярку и паклю и побежал к краю айсберга. Я остался с Гошкой, не зная, благодарить мне его за солярку или ругать.

Гошка как будто прочел мои мысли.

— Эти капли меня спасти не могли, поверь! Да и истратить их на одного человека — слишком несправедливо. — Гошка слегка задыхался, и я скорее улавливал слова по движению губ, чем слышал их. — Но я чувствовал, я чувствовал, что корабль пройдет мимо...

Я подложил Гошке под голову свои руки.

Огромный факел взметнулся к звездам. Его отблески озарили наши лица. Языки пламени

переплетались друг с другом, словно длинные ленты.

Гошка приподнялся на локте и смотрел в сторону корабля. Тра-а-ах! — мы ясно услышали винтовочный выстрел. Спустя секунду раздался еще один выстрел. С корабля теперь палили, не переставая.

— Заметили! — прошептал Гошка и закашлял в снег кровавыми сгустками.

Мы с Юркой пере-

несли его почти к самому костру.

— Поднимите меня, ребята! — с трудом проговорил он.

Мы подняли Гошку и стояли на краю айсберга, крепко обнявшись. Судно с каждой минутой приближалось. Это было спасение.

Гошка дышал глубоко, как будто старался захватить побольше воздуха, надышаться им.

Огоньки судна были уже совсем рядом. Мы с Юркой держали обмякшее Гошкино тело и не стеснялись слез...

ШУТИТЬ НАДО УМЕТЬ

БЫЛЬ

С. Милеев

Веселый народ летчики и техники. Поработать любят, но и пошутить, посмеяться над товарищем не откажутся, правда, так, чтобы человека серьезно не обидеть.

Шутят над нерадивыми, шутят над лентяями, над новичками посмеиваются, чтобы быстрее в дело втягивались и думать приучались самостоятельно, а не ходили вокруг да рядом. Авиация не любит скучных и ленивых... Но шутить полагается только на земле, в воздухе — шутки в сторону.

То механик моториста просит прикатить шайбу Гровера. Моторист, не подумавши, бежит на склад и ищет среди

бочек и ящиков хитрую шайбу, которую доставить требуется. А таких шайб в руке не один десяток принести можно. Это маленькое пружинистое колечко, его ставят под гайку, чтобы она не отворачивалась.

То прикажут молодому специалисту подсоединить радиатор к карбюратору. Если человек еще не опытен, — залезет в мотор, начнет ломать голову, как приказ выполнить. Мучается, а такой приказ невыполним: в радиаторе масло охлаждается, а в карбюраторе топливо с воздухом смешивается, горючая смесь приготавливается. Роль этих агрегатов в работе двигателя разная, значит,

подсоединять их друг к другу незачем. Товарищам смешно. Ничего не попишешь, не зря смеются: думать надо и конструкцию знать надо.

Однажды приехал к нам на аэродром проверяющий из интендантской службы. Ходит по стоянке важно, ни с кем, кроме как по делу, не разговаривает, присматривается, как мы топливо расходует, в блокнотик что-то записывает. Ему бы с техниками поговорить, как горючее экономить, а он поучать торопится.

Вот и решили над ним подшутить.

На старте, во время взлета, дежурный техник, провожая

глазами самолет, сказал очень громко, так, чтобы слышал «контролер»: «Вот и экономь с такими легчиками горючее. Взлетел, а колеса не затормозил. До сих пор крутятся. Сколько горючего зря сожжет!»

Когда самолет разбегается и взлетает, колеса у него крутятся по инерции. Будут они крутиться после взлета или нет, это никого не интересует. Но

называли ее «черная смерть» и страшно боялись. Нас, молодых, сразу предупредили: «Если будете в воздухе и откажет мотор, прыгайте с парашютом, машина тяжелая, покрыта толстой броней, и без мотора ее посадить трудно: она не планирует, а срывается в отвесное пикирование или в штопор».

Летчик, с которым летел наш товарищ, был большим

решил «тряхнуть стариной» и прыгнуть. Быстрым движением он откинул крышку фонаря кабины. Встречный поток отбросил крышку на место, падая, она порвала проволочную антенну и пробила обшивку на киле самолета. Самолет вздрогнул. Связь с землей прекратилась. В следующий момент курсант подтянулся на руках и занес ноги за борт, но, когда уже хотел покинуть

интендант об этом не подумал, старательно записал услышанное.

И посмеялись же мы, когда на собрании при всех он стал советовать летчикам затормаживать колеса после взлета, призывал тем самым горючее экономить!..

Но бывают и такие шутки, о которых вспоминать неприятно. Однажды — мы тогда еще курсантами первого года обучения были — произошел курьезный случай с нашим товарищем.

Прибыли мы на практику в полк, где работали на штурмовиках ИЛ-10. Эта была хорошая сильная машина. Недаром фашисты во время войны

шутником. Он решил в полете проверить сообразительность курсанта. Но проверить вот каким путем.

Когда они взлетели, набрали высоту и ушли в зону, летчик вдруг, не предупредив новичка, перевел мотор на холостые обороты. Самолет начал резко терять высоту. При холостых оборотах двигатель не глохнет, но почти не создает тяги. Самолет снижался, воздушный винт крутился с хлопками, воздух со свистом шумел за бортом.

Наш товарищ еще школьником занимался в аэроклубе, тренировался в прыжках с парашютом и вот, вспомнив наставление перед полетом, он

самолет, увидел смеющееся лицо летчика. Летчик по переговорному устройству осведомился у курсанта, куда он собрался, а тот, видя, что поторопился, опустил на сидение и смущенно молчал.

Когда летчик-шутник увидел, что крышка фонаря потеряна, а антенна и киль повреждены, веселость его как рукой сняло. Что говорить, хороша шутка!

* * *

Курсанту досталось от командира полка за поспешность в принятии решений, а летчик был строго наказан за... шутки в воздухе.

„САЛАМАТ ПАГИ!“ — „С ДОБРЫМ УТРОМ!“

М. Годунова

Рисунки А. Януса

Индонезия — страна, раскинувшаяся на десяти тысячах островов. Моря и океаны омывают ее.

Богата земля Индонезии, но народ был беден и не было у него счастья, пока хозяевами были чужие люди. 350 лет в стране хозяйничали колонизаторы — голландцы.

В тяжелых боях добился индонезийский народ свободы и независимости.

В 1945 году Индонезия стала независимой Республикой.

Лицо у Русли смуглое, глаза — черные, блестящие. Ходит он босиком и в коротких штанишках. На голове — огромная шляпа из листьев пальмы. Шляпа прикрывает даже плечи от жгучих солнечных лучей. Ведь в Индонезии круглый год лето!

Русли почти взрослый. Так считает он сам: ведь ему уже 10 лет! Он — пионер и очень этим гордится.

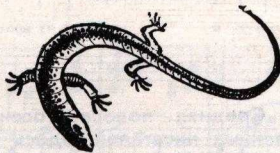
Встает солнце и освещает склоны далеких гор, а Русли уже занят делом: он купает буйвола. Русли его очень любит и ухаживает за ним. Держась за его шею руками, он лежит на его широкой спине, а буйвол дремлет по брюхо в воде пруда. Какая чудесная утренняя ванна! Он даже закрыл глаза от удовольствия.

Солнце начинает припекать. Пора домой! Живет Русли в маленькой деревенке на берегу Яванского моря, в легком домике без окон. Стены сплетены из бамбука, а крыша покрыта пальмовыми листьями. Буйвол тоже живет в доме, в небольшом хлеве, рядом с кладовой для зерна.

Домик утопает в зарослях бамбука и фруктовых деревьев. Кругом стройные красавицы — кокосовые пальмы. От легкого дуновения ветра с моря они тихо шелестят и машут своими широкими листьями, словно веерами, и кивают лохматыми головами.

В доме живут маленькие юркие ящерицы — чичаки. Они быстро бегают по стенам, потолку, ловя комариков. Говорят, что в доме, где живут чичаки, всегда будет счастье!

Перед домом на высокой бамбуковой жерди повешена клетка. В ней живет любимца Русли, серенькая птичка перкутут, крошечная голубка с белым брюшком. Целый день

воркует она и мелодично переливается ее голосок. Говорят, что птичка перкутут приносит людям счастье. Может быть!

После школы Русли спешит на рисовое поле. Пошел рис, и ярким золотом отливают его тяжелые колосья. Много надо потрудиться, чтобы вырастить и вовремя собрать хороший урожай.

У Русли много друзей. Он с ними купается в теплом Яванском море, а на берегу собирает пластинки перламутра. Это остатки больших и красивых раковин, которые море все время выбрасывает на берег. Они блестят и переливаются на солнце всеми цветами радуги. Из перламутра делают красивые пуговицы, брошки, разные украшения.

Когда поспевают кокосовые орехи, веселой ватагой собираются мальчишки у пальм. Сильные и ловкие взбираются к самой вершине пальмы. Надо только очень крепко обхватить ствол пальмы руками и, упираясь в нее босыми ногами, медленно взбираться вверх. Вот и верхушка пальмы, а под ней крупные, величиной с голову ребенка, орехи. С одного взмаха срубает Русли крисом — острым яванским ножом — орех. Один, другой, третий — летят вниз спелые, тяжелые плоды.

Если сделать в орехе дырочку — оттуда потечет сладкий прохладный сок. Приятно освежиться в жаркий день кокосовым молоком.

Когда наступает время сбора урожая чая, Русли в школу не ходит. Далеко от деревни, на склонах гор, на плантациях он помогает матери собирать чайные листья. Проворно ошиповывает Русли двумя руками молодые побеги и складывает их в огромную корзину, привязанную

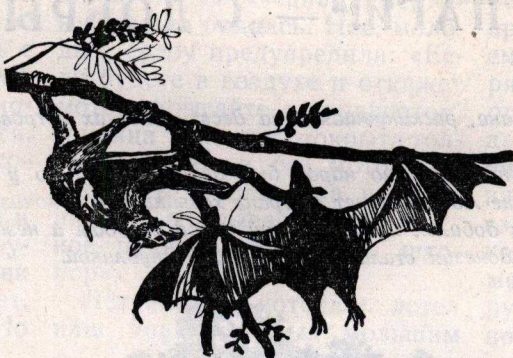
сбоку... Воздух влажный, горячий. Русли очень устает. Он часто распрямляет спину, вытирает пот.

Недалеко от чайных плантаций — знаменитый Богорский ботанический сад. Много деревьев разных пород растет в нем. Есть в саду и знаменитое царь-дерево «раджа». Корни у «раджи» возвышаются над землей, словно стоит оно на гигантских утиных лапах-подпорках. Чтобы достать верхушки корней «раджи», надо встать друг другу на плечи. Так они высоки!

Много растений и цветов в саду. Есть в нем цветок, похожий на мордочку кошки с торчащими во все стороны усами. Он так и называется «кумыскэтин» — кошачьи усы.

Огромными стаями живут в саду летучие собаки. Это гигантские мыши с собачьими мордами. Днем они спят головами вниз на самых верхушках густых, очень высоких деревьев, крепко вцепившись острыми когтями в ветки. А когда наступает темнота, улетают в джунгли и в сады за сочными плодами. Очень трудно добыть летучую собаку. Даже когда ее убьют, она не падает вниз, а остается висеть на ветке. Мясо летучих собак очень вкусное, но почти невозможно достать ее с такой вышины!

Вкусных вещей много, но не часто приходится их есть Русли. Только в очень большие праздники мама Русли готовит маленькие кусочки куриного мяса, нарезанные на палочки, жаренные утиные яйца, а из рисовой муки и сухих толченых креветок стряпает хрустящий, поджаренный на кокосовом масле, крупук. И, конечно, покупает самые любимые Русли

плоды золотистого сладкого манго!

Много диковинных фруктов растет в Индонезии: пайи, похожие на небольшие дыни, желтые внутри, с многочисленными зернами; джерук — апельсин с зеленой кожурой, но внутри у него под белой кожей сладкие и ароматные дольки; дурьян — большой шар с колючками; рамбутан — с красным и мохнатым плодом, ананасы, бананы и много другого.

Часто вечерами Русли вместе с матерью затейливыми рисунками переплетает стебли пальмы с листьями и пестро их раскрашивает. Красивые получаются корзины и шляпы. В воскресный день Русли вместе с отцом пойдет продавать их на берег моря. Много людей приезжает искупаться в море, и пестрые, красивые, с широкими полями шляпы, предохраняющие от палящих лучей солнца, всякий купит!

У Русли есть накидка, тоже сплетенная из пальмовых листьев. Он надевает ее на плечи, когда идет дождь. Вода стекает с нее, как с зонтика.

На небе зажигаются тысячи ярких звезд. Появилась серебряная луна. Лежа рядом с отцом на широкой бамбуковой кровати, Русли любит слушать рассказы о том, как много лет боролся народ за свободу своей страны, за то, чтобы индонезийские дети могли учиться в школах на своем родном языке...

Снова взойдет солнце, наступит новый день. И опять зазвучит звонкий голос Русли: «Саламат паги! С добрым утром!»

С. Есенин (1895-1925)

Средняя полоса России — родина многих прославленных писателей. Здесь прошло детство И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Я. П. Полонского. Здесь, в семье рязанского крестьянина, родился Сергей Александрович Есенин — один из самых

любимых народом русских поэтов.

Родина, приволье ее полей, задумчивый шум лесов по берегам озер и рек, синее небо над головой — знакомый с детства пейзаж навсегда вошел в поэзию Есенина.

В стихах, написанных после Октябрьской революции, Сергей Есенин воспел новую Россию, «Русь советскую», отечество в «великом походе» к светлому будущему, В. И. Ленина — «рулевого своей страны», «капитана земли». Одно из лучших произведений последних лет — «Баллада о двадцати шести» — посвящено подвигу бакинских комиссаров.

Есенин любил детей. Он собирался издать сборник детских стихотворений, но при жизни поэта его намерение не осуществилось. В 1964 г. этот сборник, значительно расширенный, вышел в свет под названием «Зарянка» — как хотел С. Есенин.

Стихи Есенина очень музыкальны. Поэтому к ним часто обращаются композиторы. Взгляните на соседнюю страницу!

БЕРЕЗА

Белая береза под моим окном
Принакрылась снегом, точно серебром.
На пушистых ветках снежною каймой
Распустились кисти белой бахромой.
И стоит береза в сонной тишине.
И горят снежинки в золотом огне.
А заря, лениво обходя кругом,
Обсыпает ветки новым серебром.

Слова Сергея Есенина

Музыка А. Соболева

Напевно. Неторопливо

Для двухголосного хора с фортепьяно

Бе-ла-я бе-ре-за под мо-им ок-ном при-на-кры-лась сне-гом, точ-но се-реб-
ром. На пу-ши-стых вет-ках снеж-но-ю кай-мой рас-пусти-лись ки-сти бе-лой бах-ро-
-мой. И сто-ит бе-ре-за в сон-ной ти-шине, и го-рят сне-жин-ки в зо-ло-том ог-не.
А за-ря, ле-ни-во об-ходя-кру-гом, об-сы-па-ет вет-ки но-вым се-реб-ром.

СКАЗАНИЕ О ВАСИПЕВУРЕ

АФРИКАНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Давно ли это было? Кто может сказать! Спроси того, кто видел. Спроси реку, она видела. Но разве река ответит тебе? Желтая вода не задерживает свой бег. Спроси пальмы, что растут в нашем селении много-много лет, они тоже видели. Пальма даст тебе орех, ты утолишь жажду и будешь сыт, но ответа не получишь. И камни промолчат — у них нет голоса. Рассказать могут только люди. У одного человека память коротка — от рождения до смерти, а у племени долгая память — от дедов к отцам, от отцов к детям и внукам.

Когда это было, и люди тебе не расскажут, но как все случилось — послушай.

Однажды к вождю прибежал старейшина. Он вел за руку мальчишку, который не смел сам войти в дом вождя.

— О Васипевура! — сказал старейшина. — Послушай, что говорит этот малолетка.

— Хорошо, послушаю, — ответил вождь. — А ты не бойся, говори.

Мальчик начал:

— Сегодня я пошел к реке. Я хотел наловить рыбы, чтобы накормить мать и сестренку, пока отец вернется с охоты. Рыбы было много, но я не стал ее ловить. Я увидел на том берегу много чужих воинов из племени, что живет к востоку от нас. Тела их раскрашены боевым узором. Я спрятался в прибрежном тростнике, и они не заметили меня. Я сидел тихо, они говорили громко. Они ждут нападения на наше селение, сжечь хижины, перебить мужчин и увести в рабство женщин и детей. А я сидел и кусал губы от гнева и бессилия — у меня не было с собой ни лука, ни копья.

Вождь посмотрел на худенького мальчика, стоявшего перед ним, и промолвил:

— Ты будешь хорошим воином. Я выслушал тебя, теперь иди.

Когда мальчик ушел, Васипевура сказал старейшине:

— Ты знаешь: много мужчин нашего селения отправилось на дальнюю охоту и вернется не скоро. Но время не ждет. Собери на совет всех, кто остался.

Старейшина ушел. А вождь сел на шкуру леопарда.

Когда все собрались, вождь рассказал, что услышал от мальчика. Потом обвел всех взглядом и велел:

— Кто хочет сказать, пусть говорит.

Встал самый старый старейшина.

— Не первый раз племя с востока нападает на нас. Мы потеряли в сражениях много сильных воинов, да и чужих положили не мало. Но сейчас нам некого выслать навстречу врагу. Надо от них откупиться. Соседнее племя так сделало и каждый год отдает им в рабство десять юношей и десять девушек.

Услышав эти слова, юноши, сидевшие в дальнем углу, закричали:

— Позор! Мы не пойдем в рабство! Нет сейчас наших отцов, но у нас самих есть руки, умеющие держать копье. Веди нас в бой, Васипевура!

Вождь гневно глянул на них. И юноши поспешно закрыли свои лица ладонями, чтобы никто не видел их стыда. Потому что там, где говорят старшие, младшие должны молчать, пока их не спросят.

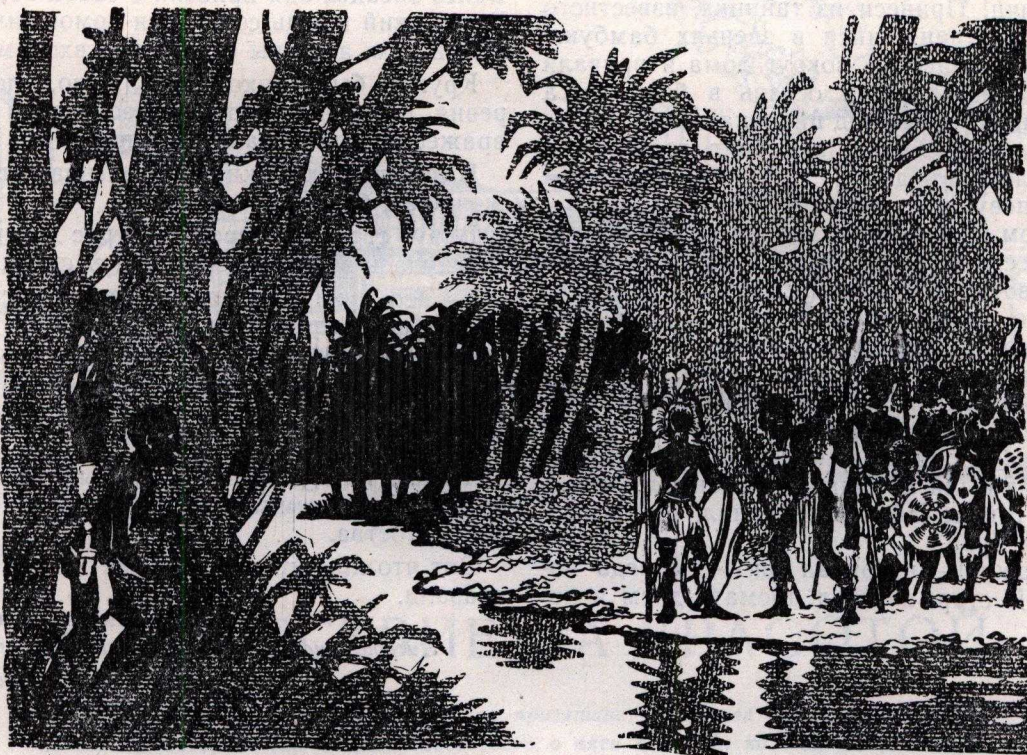
Встал второй старейшина.

— Послушай, Васипевура, что было когда-то. Я был тогда мальчиком, а тебя еще не было на свете. На шкуре леопарда вместо тебя сидел твой дед. И так же, как теперь, к нашему селению приближались враги. Их было очень много, больше, чем нас. Женщины плакали и кричали, воины рвались в бой. Но вождь посоветовался с колдуном и велел всем ждать.

А враги подходили все ближе и ближе. Они уже переправлялись через реку. И тогда к месту переправы стали собираться пчелы. Пчелы, живущие в джунглях в дуплах деревьев, летели с востока и запада. Пчелы, живущие в раселинах приречных скал, летели с севера и юга. Жужжащая туча нависла над врагами и потом живым дождем пролилась на них. Те, кого не могли испугать стрелы и копья, выли,

Колдун встал. Руки и ноги его дрожали, и голос тоже дрожал.

— Наслать пчел дело нехитрое, но я не знаю, где они живут. А если бы и узнал, так они бы меня не послушались. А если бы послушались, то враги, уже знающие эту хитрость, отсиделись бы в реке. Нашим предкам было хорошо, — чуть не заплакал колдун, — их духи были сильнее.

как шакалы, от страха и боли, когда маленькие пчелы вонзили в них свои жала. Враги бросились бежать, но пчелы не любят бегущих, они облепили их с ног до головы. И чем больше жалили пчелы, тем быстрее бежали на восток прославленные воины. Они побросали оружие и кричали на бегу: «Скорее прочь от этой заколдованной деревни, которую даже пчелы не хотят дать в обиду!» А на следующий день мы собрали целую кучу вражеских копий, стрел и луков. Они намгодились для охоты. Так колдун своим волшебством спас наше селение.

Все весело смеялись, слушая рассказ старейшины. Но когда он кончил, смех умолк и все взоры обратились к месту у входа. Там, съевшись, сидел теперешний колдун.

— Встань и говори, — приказал ему Васипевура.

Юноши начали насмешливо перешептываться. Старейшины удрученно молчали. Тогда сказал свое слово вождь Васипевура:

— Лжешь, колдун. Наши духи и сейчас сильны! Я докажу это. Я сам стану колдовать! А вы отправляйтесь к своим хижинам и сидите там с семьями. Духи сами подадут вам голос, подобный грому.

По одному стали выходить из дома вождя сначала старейшины, потом юноши. И каждый, уходя, спрашивал, по обычаю племени: «Можно мне уйти, Васипевура?» И вождь каждому кивал головой.

Когда очередь дошла до старого прославленного воина, по имени Нбонгвур, вождь остановил его.

— А ты останься, ты понадобишься мне.

Наконец все ушли. Тогда Васипевура призвал своих жен и сказал им так:

— Берите детей и идите к своим родителям. Возьмите с собой все, до последнего горшка. Потом помолчал и добавил:

— Не трогайте только циновок, украшающих дом, и шкуры леопарда, на которой я сижу. Женщины удивились, но послушаться не посмели.

Когда ушли и жены с детьми, вождь сказал Нбонгвуре:

— Слушай и делай то, что я тебе скажу. Делай и молчи! Принеси из тайника, известного тебе, порох, хранящийся в звеньях бамбука. Часть пороха рассыпь вокруг дома и привали камнями, часть так и оставь в бамбуке, а бамбук спрячь здесь под циновками.

Нбонгвуре послушно наклонял голову при каждом слове вождя.

А Васипевура продолжал:

— Потом иди к реке и позови вождя врагов и лучших его воинов. Скажи, что Васипевура не хочет воевать. Пусть посетят его дом. Они получат то, за чем пришли.

Нбонгвуре двинулся к выходу.

— Подожди, я не все еще сказал, — остановил его Васипевура. — Едва враги рассядутся вокруг меня, выйди и подожги порох. А потом беги прочь так быстро, как в те годы, когда ноги у тебя были молодыми и гибкими.

Только сейчас Нбонгвуре понял, что замыслил Васипевура.

— О вождь! — вскричал он. — Ты ведь погибнешь. Я стар, я устал дремать днем и ле-

жать без сна ночью. Позволь мне умереть вместо тебя.

— Нет! — сурово проговорил Васипевура. — Делай, как я сказал.

Исполненный горести Нбонгвуре удалился. А вождь надел свои лучшие одежды и сел на леопардовую шкуру.

Все сделалось, как задумал славный вождь. Враги пришли. И не только военачальники. Боясь засады, они привели с собой все войско. Вражеский вождь со своими помощниками вошел в дом, а воины сели перед входом.

Кругом было тихо и безлюдно, словно деревня вымерла. Радясь бескровной победе, вражеские воины запели песню.

В притихших хижинах, заслышав это пение, женщины беззвучно плакали.

Вдруг страшный грохот потряс деревню. Содрогнулась земля, и затряслись стены хижин.

— Это духи Васипевуры сказали свое слово! — закричали люди и выбежали наружу.

Огромное облако дыма закрыло все небо. А когда он рассеялся, все увидели пылающий дом вождя и мертвые тела врагов, разбросанные вокруг.

Так погиб мудрый и отважный Васипевура, спасая свое племя от горечи поражения и позора рабства.

Вот что хранит долгая память племени. Мы сказали.

Перевел В. Сидоренко

Литературная обработка З. Задунайской

Рисунки В. Свешникова

Дорогие ребята!

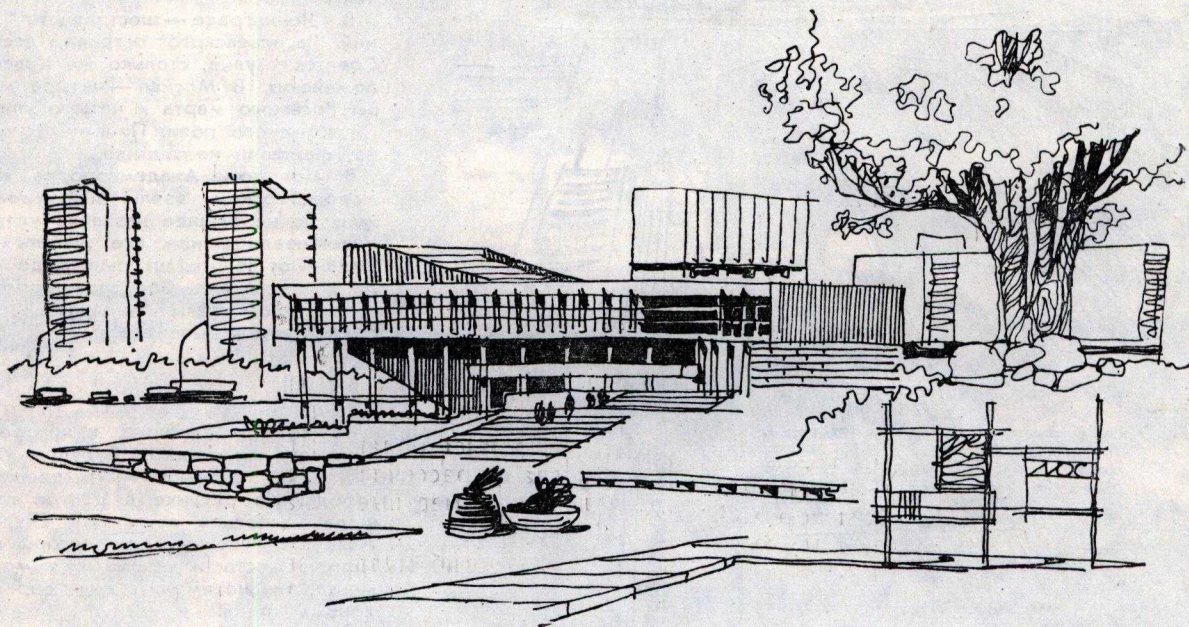
Дайте прочесть эту заметку своим родителям, пионервожатым, педагогам

С января 1966 года начинает выходить новый иллюстрированный ежемесячный журнал «Детская литература».

Это журнал для взрослых. Но речь в нем будет идти о книгах, которые написаны для ребят. И о писателях, которые пишут детские книги.

Новый журнал расскажет взрослым о детской литературе, о тех, кто ее создает, о выходящих книжках — о самых хороших и самых плохих. Журнал будет систематически освещать работу детских газет и журналов, кино и театра, радио и телевидения для детей и подростков.

Авторами нового журнала будут ведущие советские детские писатели, деятели искусств и науки, знаменитые педагоги, критики и, конечно, сами читатели.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА КРАСОТОЙ

Архитектор Ирина Сергеевна Левина приглашает читателей совершить прогулку по городу, которого еще нет, и побеседовать о пяти подарках ко дню его рождения.

Рисунки архитектора В. Попова

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Мы возьмем с собой бинокль и фотоаппарат, топографическую съемку местности и планы жилых районов. Больше ничего.

Наш путь пройдет по холмам, лугам и перелескам, которые скоро станут кварталами, улицами, площадями. Многие из вас уже живут или скоро будут жить в новых городах и поселках. Четыреста одних только городов легло на карту нашей страны после Великой Отечественной войны!

Каждому хочется, чтоб место, где он живет, было красивым. Вы скажете — это забота архитекторов. Правильно. Но и вам, юным защит-

никам Красоты, работы здесь хоть отбавляй. Пойдемте со мной, и вы в этом убедитесь.

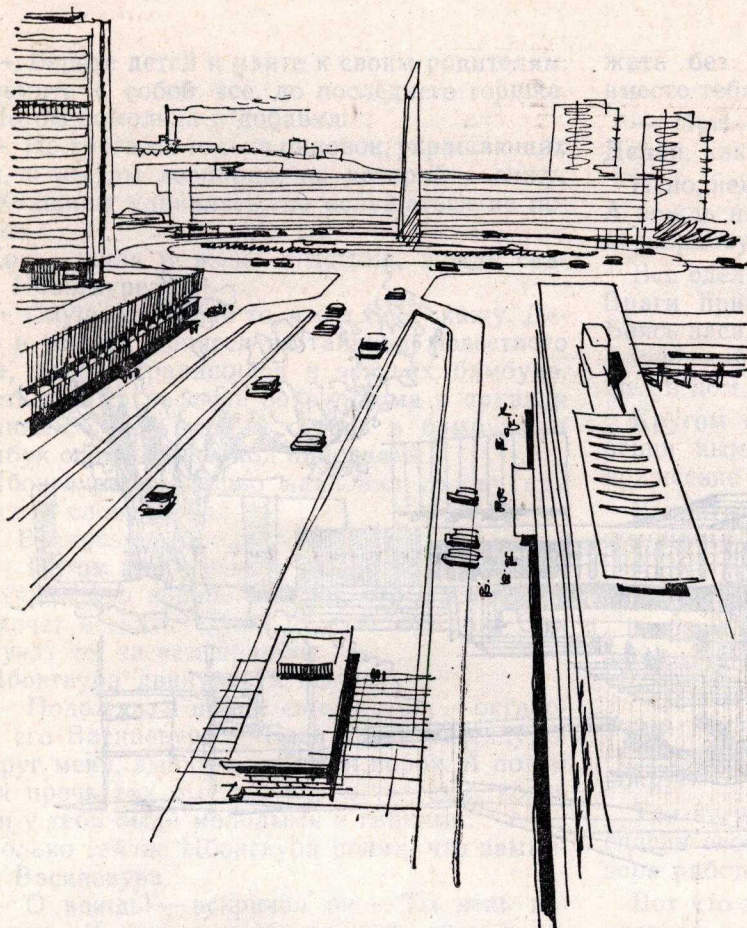
Мы забрались на высокий холм. Вокруг рощи, поля, вдали стены строящегося завода. Это с него начался город.

Итак, что здесь будет — на самом видном, на самом красивом месте? Конечно, Дворец культуры. Представьте себе: огромные листы сверкающего стекла в тонких и ярких переплетах из пластмассы; где нет стекла — там пластинки цветного алюминия; внутри — просторные

залы, библиотека, комнаты для кружков. Во Дворце ни печей, ни отопительных батарей. От стен и потолка струится тепло, в них вмонтирована специальная система отопления. И никаких люстр — стены сами излучают свет...

Смотрите, какой великолепный клен раскинул свои ветви на холме — сплошной зеленый шатер! Неужели старый клен спилят?

На топографической съемке знак дерева лиственной породы. Топографы красотой не интересуются. А что если послать авторам проекта фотографию клена? Ручаюсь, архитекторы вежливо отодвинут Дворец и сберегут дерево. Пусть старый клен украшает молодой город. Это будет ваш первый подарок.

Старое и новое, древнее и молодое... Как переплетаются они между собой, как обогащают друг друга.

Ну-ка взгляните в бинокль: за рошей, рядом с будущим стадионом, видны строения — бревенчатый амбар, домик, банька. Добротные, с отличной резьбой. А ведь этот маленький хутор может стать началом музея старинного быта. Что там по плану — парк? Прекрасно, в парке можно выделить участок, обнести его изгородью из кустарника и свозить туда со всей округи самые интересные старинные строения.

Сфотографируем хуторок и пошлем снимки архитекторам. Пусть они подумают над нашим предложением. А экскурсоводами в буду-

щем музее станете, конечно, вы, ребята.

Вот и второй подарок.

На плане, в правом верхнем углу чертежа, — «роза ветров». Длинный луч указывает направление самого сильного ветра. Как видите, город расположен с наветренной стороны, чтобы дым заводских труб уносил вдале.

Однако ветру не прикажешь. Он может изменить направление и повернуть к городу. Тогда на защиту воздушного бассейна встанет лесопарковая зона шириной в три километра. Деревья растут долго, их нужно сажать как можно скорей. Тут и ваши руки пригодятся. А деревья — лучший подарок новому городу.

Луга, перелески, просеки... Никто из вас не скажет — Комсомольский перелесок» или «Просека имени Первого космонавта». Но скоро просека станет улицей, а через луг пройдет стремительный проспект. Им понадобятся и имена. А придумывать имена не так-то просто.

В Ленинграде — шестнадцать линий Васильевского острова, десять Советских улиц, столько же Красноармейских. В Москве — четыре улицы Восьмого марта и четыре улицы Октябрьского поля. Почему? Наверно, фантазии не хватило...

В молодом Академгородке под Новосибирском взяли и устроили конкурс на лучшее название улицы. Участвовали в нем все жители города — от юного школьника до седого академика. Вот это здорово!

Над четвертым подарком вам придется пофантазировать.

Что это за круг, к которому лучами сходятся будущие улицы? Это — главная площадь города. На рисунке в центре площади несколько скульптур. Скульптуры, эти условны. Архитекторы наметили место и общий вид монумента, они не имели в виду определенных людей.

Быть может, здесь встанут скульптурные портреты ваших знаменитых земляков, героев Отечественной войны. Знаете ли вы их имена, биографии, подвиги?

Ребята из поселка Санчурск Кировской области посадили Аллею Героев. Люди, памяти которых посвящена аллея, — земляки пионеров. Следопыты провели интересную экспедицию, разыскали многие забытые имена и сделали своему поселку прекрасный подарок.

Москва праздновала 800-летие. Ленинград — 250-летие. Но разве обязательно прожить сотни лет, чтобы справлять день рождения? Разве плохо звучит: «Нашему городу исполнился год»?

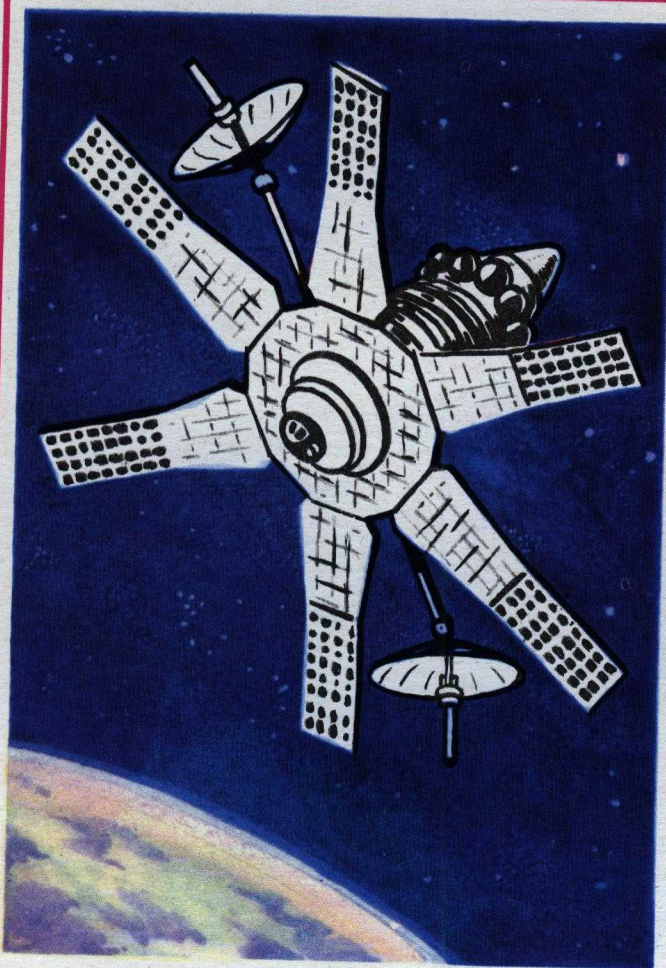
День рождения... Это может быть день, когда жильцы въедут в первый дом, или число, когда в почтовых справочниках появится новое название.

А будет день рождения — без подарков не обойтись.

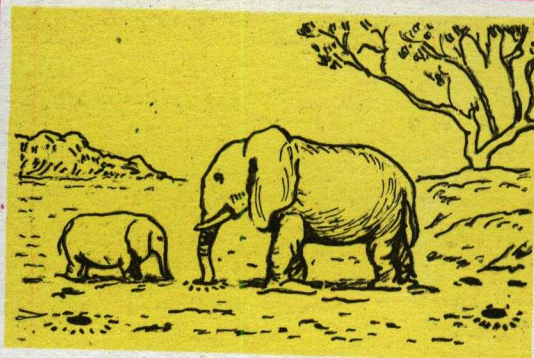

ЧТО?

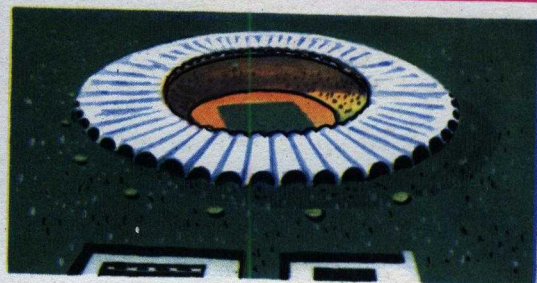
ГДЕ?

СОВЕТСКИЙ СПУТНИК СВЯЗИ „МОЛНИЯ-1“

СЛОНОВИЙ КОЛОДЕЦ

СТАДИОН ПОД КРЫШЕЙ

Фабрика пресной воды

Для районов, бедных пресной водой, советские ученые создали опреснительную машину—целую фабрику. Она подъезжает к озеру, забирает из него соленую воду и, очищая ее от солей, выдает до двух тысяч литров драгоценной пресной воды за час.

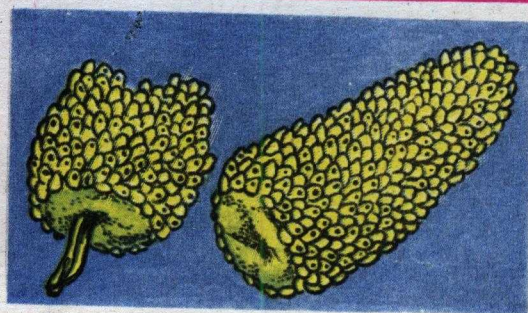
В этой установке вода превращается сначала в пар, а затем пар охлаждается и стекает по трубам уже в виде чистой дистиллированной воды.

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

**КАМЕННЫЙ ТОПОР
ЗА ВОСЕМЬ ЧАСОВ**

ВОТ КАКАЯ БЫВАЕТ КУКУРУЗА!

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

Золотые рыбки

Кто был предком золотой рыбки? На этот счет есть немало легенд. Одна рассказывает, что ее выбросил на берег разбушевавшийся океан. В другой легенде — золотые рыбки — слезы девушки, плававшей от горя.

А ведь так называемую золотую рыбку вывели... из обыкновенного невзрачного караса. Среди китайских карасей иногда встречались золотистые. Они-то и стали предками этих рыбок. Вначале было получено потомство от самых ярких, встречавшихся в природе карасей. Затем из многочисленного потомства отобраны те, что наиболее красивы по цвету и форме. И так поступали до тех пор, пока не вывели продолговатую оранжево-красную рыбку, получившую название золотой...

Стадион под крышей

Болельщики знают, что это значит. Дождь может хлынуть такой, что ни зонтики, ни плащи не спасут...

Хорошо будет на новом стадионе в предместье Парижа: над зрительным залом предполагается возвести крышу, такую, как вы видите на рисунке.

Вокруг гигантской чаши стадиона разместятся

Спутник «Молния-1»

Знаете ли вы, что искусственные спутники Земли есть активные и пассивные?

Пассивные — это шары из тонкой пленки диаметром 39—40 метров. Пленка, покрытая снаружи алюминиевой фольгой, отражающей радиоволны, выбрасывается на орбиту в свернутом виде, затем надувается газом, полученным в результате химической реакции. Полтора года назад такой спутник — „Эхо-2“ осуществлял опыт связи между Англией и городом Горьким на Волге. Опыты показали, что сигналы, приходящие на Землю от таких спутников, очень слабы...

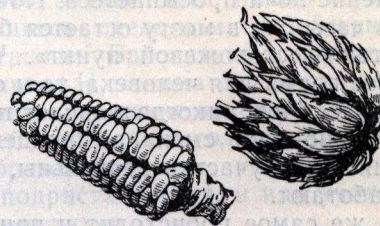
Активный спутник должен иметь на борту антенну для приема сигналов с Земли, приемник, усилитель, передатчик, антенну для излучения на Землю в заданных направлениях. Антенна, установленная для приема сигналов спутника, поворачивается, следя за спутником при его движении.

Практически для связи на дальние расстояния пригодны лишь активные спутники типа „Молния-1“. Пролетая над территорией Советского Союза, спутник находится в зоне одновременной „видимости“ его из Москвы и из Владивостока.

Вот какая бывает кукуруза

Во Всесоюзном институте растениеводства более двадцати тысяч разновидностей кукурузного початка. А какое разнообразие красок и форм! Есть початки белые, золотистые, черные, красные, пестрые. Есть крупные и мелкие, продолговатые и круглые.

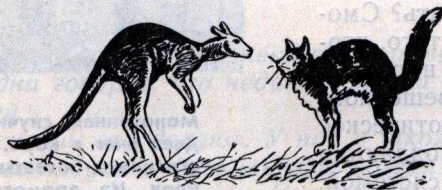
Ученые всего мира создают все новые и новые виды полезного злака.

гимнастические залы, плавательный бассейн, даже летний театр. Под землей оборудуют стоянку для автомашин и мотоциклов.

Карманный кенгуру

На северо-западе Австралии, на острове Барроу, геологи обнаружили неизвестные ископаемые виды животных. Среди других открыт новый вид кенгуру. Это животное не больше домашней кошки.

Каменный топор... за восемь часов

Сколько времени первобытный человек тратил на то, чтобы изготовить каменное орудие?

Археологи на практике доказали, что на изготовление „рубила“ ушло два часа, а наконечник для копья потребовал всего тридцать минут. Повозиться пришлось со шлифованным топором: затратили целых восемь часов. Но по сравнению с тем, сколько тратил первобытный человек, — это пустяк. В древности требовались годы, чтобы изготовить такой топор...

Слоновый колодец

В зоопарке слон ежедневно выпивает 100—200 литров воды. Только за один раз он набирает в хобот 6—8 литров.

Но как же обходится слон на воле, в африканских степях, когда в засуху водоемы пересыхают, превращаются в лужицы?

На месте водопоя слон пробуравливает хоботом довольно глубокий колодец: 1—2 метра глубиной и 30 сантиметров шириной.

МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬСЯ ГИПНОЗУ?

*«Дорогая редакция,
правда ли, что человек наделен гипнозом?
Если правда, то помогите мне научиться гипно-
тизировать. Я очень прошу.
С пионерским приветом...»*

Вот такое письмо прислала в редакцию журнала «Костер» Катя Игнатъева из села Варгаши Курганской области.

Отвечает Кате кандидат медицинских наук Марк Моисеевич Канторович:

Что такое гипноз?

Утром вам надо встать на два часа раньше, чем обычно. Боясь проспать, вы несколько раз в течение ночи просыпаетесь. Почему? Потому что в часы сна в мозгу остается бодрствующий участок — «сторожевой пункт». Что важно в данное время для человека, то и охраняет этот «сторож». Мозг никогда не знает полного покоя. Постоянно идет смена возбуждения и торможения: одни участки деятельны, другие почти не работают.

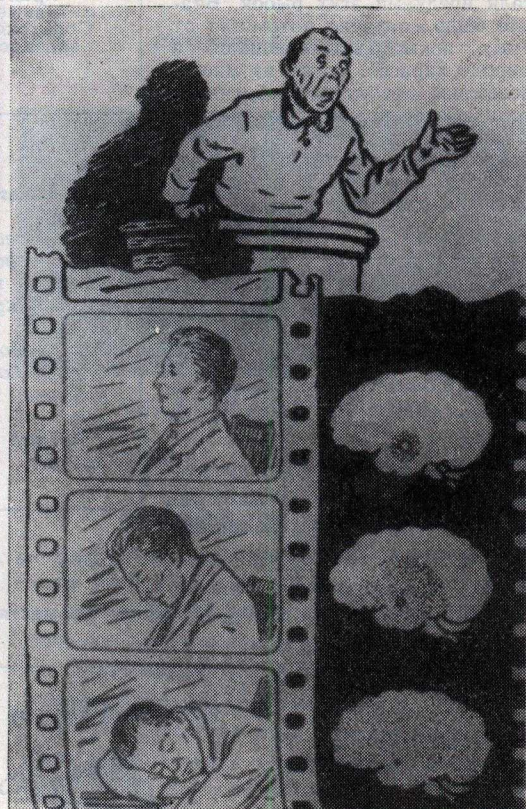
То же самое происходит и при гипнозе. Загипнотизированный человек внешним видом напоминает спящего, но сон его частичен: в коре мозга бодрствует «сторожевой пункт». Он уже не столько «сторожевой» теперь, сколько «связной»: через него идут команды гипнотизера.

Гипнотизер может, например, внушить загипнотизированному, что тот не чувствует боли, и в то же время колоть ему кожу иглой, и — боль, действительно, не будет ощущаться. Может внушить тридцатилетнему мужчине, что ему пять лет, и тот будет вести себя, как маленький ребенок.

Каждого ли можно загипнотизировать? Смотря при каких обстоятельствах. Для того, чтобы оказаться загипнотизированным, надо желать этого. У нормального, уравновешенного человека невозможно вызвать гипнотическое состояние против его воли. Легче поддаются гипнозу люди с ослабленной нервной системой.

А гипнотизером, напротив, может быть любой человек. Ему только нужно в совершенстве знать технику гипноза и правильно ее применять. Техника эта сложна и разнообразна, вот, к примеру, один способ.

...Тишина, удобная поза, монотонный, убаюкивающий голос, повторяющий много раз одни и те же слова: «Засыпайте!», «Спите!». Мерный счет: «Раз... Вы засыпаете... Два... спите глубже... Три...» Все это, по-научному говоря, вызывает первоначальный очаг торможения в коре мозга. Постепенно очаг распространяется

Монотонная, скучная речь лектора создает очаг в коре. Торможение, распространяясь, охватывает постепенно всю кору. Из дремотного состояния человек переходит в полный сон

все шире, охватывает весь мозг. Человек засыпает, как говорится, на полуслове. Из дремотного состояния переходит в сонное.

Только невежественные люди и шарлатаны заинтересованы в преувеличении роли гипнотизера: гипнотизер, мол, должен иметь особый цвет глаз или особенно чувствительные кончики пальцев. Патефонная пластинка с записью гипнотического сеанса может вызывать у человека такой же сон, как вызовет гипнотизер.

Я ученица третьего класса
Мая
1934 сентябрь.

Первая любовь была по дружбе.
Всё шло
Русские говорили на английском языке.
Мамы, когда пели в доме.

Лос

1934 23-е июля

Вот каков почерк гражданки К. во «внушенном девятилетнем возрасте», а вот — в обычном состоянии.

Обычный патефон, надо думать, никакими магическими силами не обладает.

И вот теперь — ответ на главную твою просьбу.

только в лечебных целях и только лицам с медицинским образованием.

Так что — подрастай, Катя, и иди учиться в медицинский институт.

В одном из пионерских лагерей девочка похвастала, что владеет приемами гипноза.

Тихо и монотонно приговаривая, она стала гладить по голове пионервожатую Галю, которая согласилась быть загипнотизированной. Все как будто шло хорошо: Галя засыпала, но вдруг застонала и замоталась, и перепуганная «гипнотизерша» начала ее тормошить, чтобы разбудить. Однако Галя была уже в глубоком обмороке. Чтобы привести ее в чувство, пришлось вызвать «скорую помощь». Так печально окончился сеанс гипноза.

Что это значит?

Это значит, что гипноз является мощным средством воздействия на организм. Баловаться и шутить тут нельзя. И заниматься гипнотизированием советские законы разрешают

ОТВЕЧАЕМ!

Здравствуй, школа «Спринт»!

Я прочла в журнале «Костер», что некоторые ученики убегают с уроков физкультуры. Одни говорят, что недавно болели, другие приносят записки от родителей.

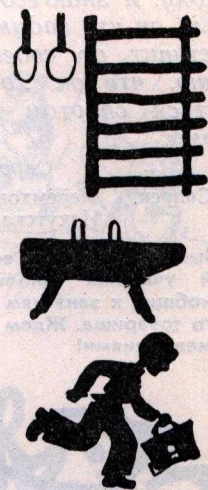
Я не понимаю, зачем они это делают. У нас в школе, наверно, не помнят случая, чтобы кто-нибудь с физкультуры убежал. У нас ребята любят спорт. В соревнованиях на приз «Пионерской правды» наша школа заняла первое место по району. В школе у нас нет спортзала. Поэтому зимой мы ходим в походы, катаемся на лыжах, устраиваем соревнования. Летом играем в лапту, бегаем, прыгаем. Хотя речка наша маленькая, большинство мальчиков умеет плавать.

Конечно, в городе лучше заниматься спортом: там есть и бассейны, и спортзалы... Но мы не горюем. И у нас когда-нибудь будет свой спортзал.

Галя Махмуткина

с. Ново-Ганыкино, Похвистневский район, Куйбышевская область

Бегун может тренироваться в любых условиях, и Галино письмо отлично доказывает это правило.

Я живу в городе Свирске. Мне 10 лет. Учусь неплохо. Летом бегаю на Ангару купаться, гоняю в футбол. Зимой играю в хоккей, хожу с друзьями в походы на лыжах.

Раньше я не любил спорт. Но на каникулах приехал к нам Сережа Шилов, который уже записался в вашу школу. Он объяснил мне, что спорт — залог стройной фигуры и здоровья. Я стал

заниматься зарядкой. Сначала мы бегаем по огороду, а потом делаем упражнения на силу и выносливость. В зарядку мы включили упражнения спринтера, которые напечатаны в «Костре».

Примите меня в школу «Спринт».

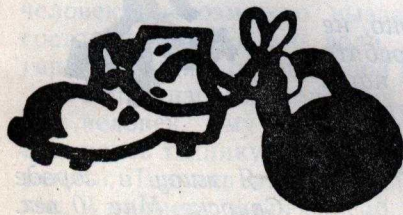
Коля Иванов

Примите Колю в вашу школу. Я знаю его с трех лет. Если он что задумает, то не отступит от своей цели. Я знаю, что он хочет заниматься спортом по-настоящему.

Сережа Шилов

г. Свирск, Черемховский район, Иркутская область

Было бы хорошо, если бы каждый участник школы «Спринт» приобщил к занятиям хотя бы одного товарища. Ждем писем с рекомендациями!

Зимой я занимаюсь в школьной гимнастической секции, а летом пользуюсь консультациями «Спринта». Может, я не стану чемпионом, но, по крайней мере, буду иметь спортивный разряд. С приветом

В утяжеленных тапочках в первую очередь полезно тренироваться прыгунам в высоту. Но этот способ годится больше для взрослых, чем для ребят. Вообще, Витя, дело не в весе тапочек, а в регулярности тренировок.

Дорогие товарищи!

Я очень рад, что меня приняли в школу «Спринт». У нас проводились соревнования на стадионе. Я пробежал 60 метров за 9 секунд и 9,8 секунды, а мой товарищ — за 8,7. Он был впереди меня. И я не понимаю, почему он так быстро бежит. Ведь он по утрам зарядки не делает, не тренируется. Когда я ему предложил написать в школу «Спринт», он отказался. Говорит: «Я и без твоей школы быстро бегу!»

Помогите мне, пожалуйста, обогнать его.

Володя Терин

с. Липовка, Энгельский район, Саратовская область

60 метров за 8,7 секунды — такой результат под силу и девочкам. А вот результат 7,5 твоему товарищу без тренировок никогда не добиться. Если ты будешь систематически работать по нашим указаниям, ты легко обгонишь своего хвастливого товарища.

Дорогая редакция!

Бег я полюбила еще в первом классе. Сейчас я учусь уже в шестом и очень увлекаюсь спортом. От школы я живу далеко, и часто мы с подругами вместо утренней разминки отправляемся в школу бегом. Я их всех обгоняю, хотя одна из них старше меня на два года.

Летом я редко хожу шагом. Я бегу и на покос, и купаться, и в кино, и в магазин. Ведь это так здорово — мчаться по дороге, рассекая воздух! Я очень люблю игры, где надо много бегать и прыгать. Особенно люблю лапту и эстафеты.

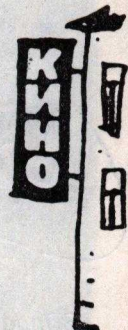
Но я не люблю и не умею писать длинные письма. Ведь мне еще даже тринадцати лет нет.

До свидания! Жду ответа.

Галя Харчикова

ст. Июс, Ширинский район, Красноярский край

Галин метод тренировок — самый эффективный. Советуем всем пореже ходить, почаще бегать!

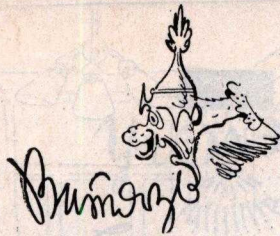

Живу я в Забайкалье, в поселке Первомайском. Мне 13 лет. Ребята считают, что я «слабак» и в беге, и в футболе. Я не могу долго бегать — задыхаюсь.

В одной книжке я прочитал, что мальчишка Ленка Марков сделал себе ботинки со свинцовыми подошвами. В этих ботинках он делал пробежки, играл в футбол. А когда через некоторое время он надел легкие кеды, ему ничего не стоило оторваться от соперников. Может быть, это вымысел, но похоже на правду. Я хочу смастерить себе такие ботинки, но не знаю, какого веса кусок свинца положить под подошву.

Витя Томских

пос. Первомайский, Шилкинский район, Читинская область

Жил когда-то грозный витязь.
Ел с горчицей ананас.
Если вы не удивитесь,
Я продолжу свой рассказ.
Жил когда-то грозный витязь.
Гоготал, как дикий гусь.
Если вы не удивитесь,
Я ужасно удивлюсь.

Н. Слепакова
Рисунок В. Гальбы

8

Рисунок В. Гальбы

Октябрь на пегой лошади ездит

1

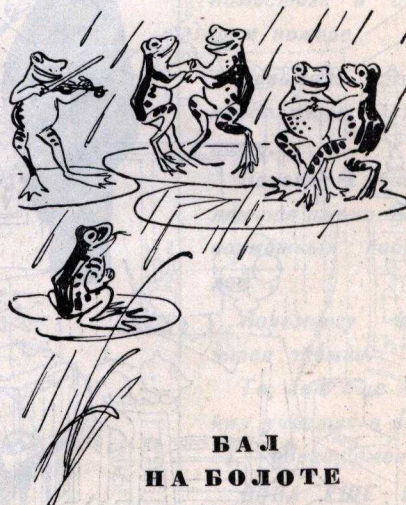
ПЕЛИКАН

Робер Деснос

Жил пеликан, и, веришь или нет,
Он снес яйцо, а из яйца — привет! —
Явился новый пеликан на свет,
Ни дать, ни взять, родителя портрет.
И тоже жил он без забот и бед,
И тоже как-то, веришь или нет,
Он снес яйцо, а из яйца — привет! —
Явился 'новый пеликан на свет,
Второго просто вылитый портрет.
И этот вырос без забот и бед
И снес яйцо, и, веришь или нет,
Так шло бы без конца, но на обед
Был приготовлен из яйца омлет.

Перевел с французского В. Васильев

4

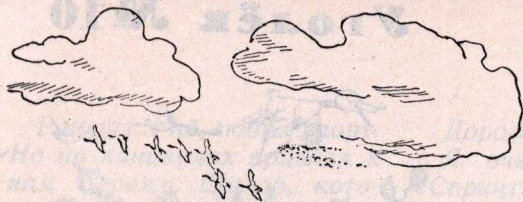
БАЛ НА БОЛОТЕ

Сергей Скаченков

Дождик лил, дождик лил,
Дождик в гости приходил.
На болоте побывал —
И устроил карнавал!
Все под мокрым гляncем!
У лягушек нынче бал,
У лягушек — танцы!

Рисунки Е. Захарова

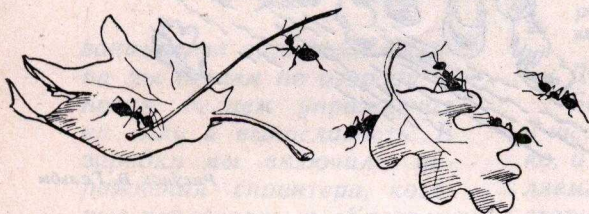
5

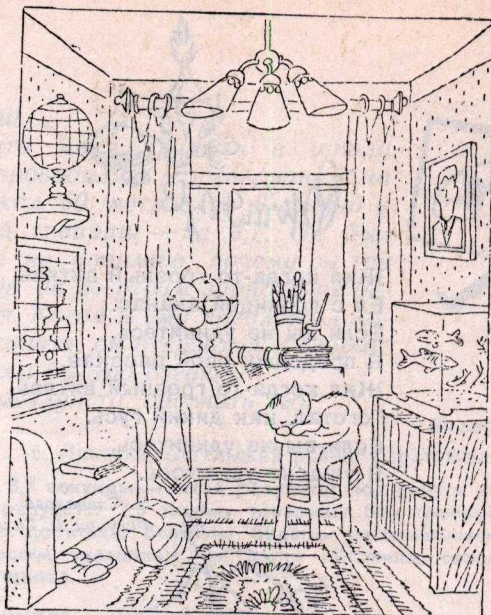
ТИШИНА

Пригревает солнце еле-еле,
Осень сушит листья про запас.
Птицы все за лето повзростели,
Улетели птицы все от нас.
Ветер с веток соскочил и замер,
И дышать как будто перестал,
Только слышно: шаркают ногами
Муравьи по высохшим листьям.

Г. Сперанская
Рисунок Р. Полова

2

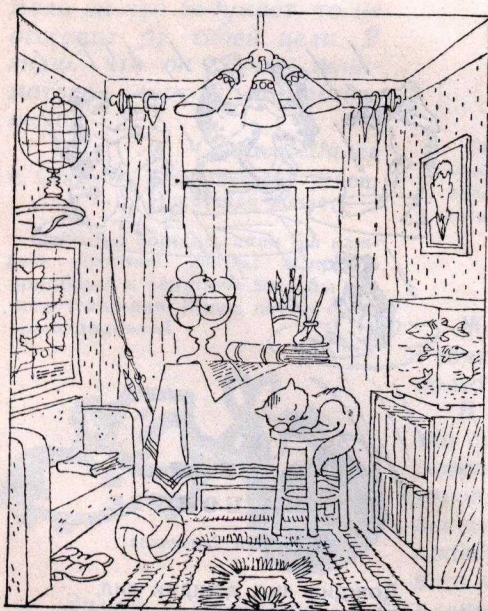

В 7 часов вечера Саша пришел с работы
и задумался, неужели Алик до сих пор
в школе.

ДОМОЙ И ГДЕ ОН СЕЙЧАС?

Рисунки Б. Семенова

7

В 7 часов утра Саша ушел из этой ком-
наты на работу, а его брат Алик — в школу.
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПРИХОДИЛ ЛИ АЛИК

6

Вовкина пятьёрка

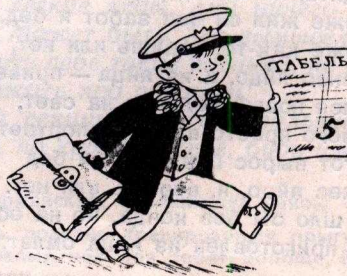
Э. Паперная
Рисунок М. Беломлинского

Интересно, откуда у Вовки Ключниковца
взялась пятерка в четверти, когда в году
ни одной пятерки не было? Он мне сам по-
хвастался и показал мне табель, правда,
издали, так что я не разглядел, по какому
предмету.

Но не подумайте, что по поведению. По по-
ведению-то у него четыре, это я разглядел
даже издали. А пятерка стояла строчкой
ниже.

Меня так разобрало любопытство, что я
не поленился после урков пойти к Вовке
домой.

Табель лежал на столе. Я поглядел. На
самой нижней строчке было написано: „Про-
пущено уроков“, а против этих слов стояла
жирная цифра пять.

3

Жизнь прославленного автора «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» была не менее бурной, чем жизнь его героев. Правда, ему не приходилось скреплять шпагу с гвардейцами кардинала, совершать побеги из неприступных замков, удирать от погони на горячем жеребце, но, человек широкой натуры, обуреваемый постоянно грандиозными замыслами, он то и дело становился жертвой клеветы, зависти, коварства заимодавцев. Особенно досаждало ему «крапивное семейство», судейские чиновники, желавшие пожить за счет литературных заработков многопишущего Александра Дюма.

Однажды к Дюма явился один из судейских и нагло потребовал 30 франков на устройство похорон скончавшегося товарища.

Выведенный из себя добряк Дюма сказал ему:

— Я дам вам шестьдесят — похороните двоих!

Лет шестьдесят — семьдесят тому назад буржуазные газеты Франции на все лады превозносили сочинения писателя и академика Мориса Барреса. В своих многотомных романах Баррес проповедовал превосходство «сильной» личности над толпой, превосходство Франции над всеми остальными странами и прочую опасную чепуху.

Однако Барреса читали, и многие увлекались его зловерными идеями, потому что писал он ловко, слог его отличался красотой и выразительностью.

Буржуазные критики, восхваляя Барреса, особенно напирали на это его достоинство. Один даже заявил, что каждая фраза, написанная Барресом, прозрачна, как чистое стекло.

На это проницательный писатель Жюль Ренар заметил: «Его мысли похожи на стекла, сложенные в ящик. Каждое в отдельности прозрачно, но все вместе — темны».

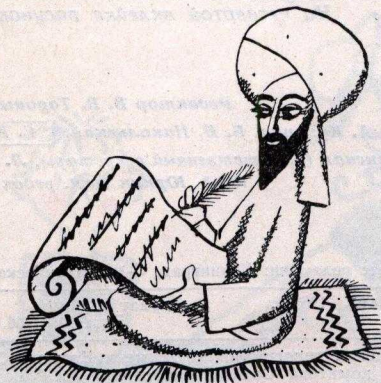
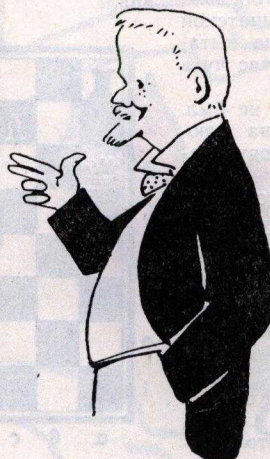

Двадцать пять лет знаменитый персидский поэт Фирдоуси сочинял свою поэму «Шах-намэ». По обычаю того времени труд поэта оплачивался правителем, но невежественный владыка Хоросана Махмуд приказал выдать Фирдоуси ничтожно малую плату. Поэту грозила нищета.

Рассказывают, что Фирдоуси нашел остроумный выход из положения. Он переехал из Хоросана в соседний Табаристан, вставил в «Шах-намэ» сатиру на Махмуда и стал читать ее при дворе табаристанского владыки Испехбеда Шахрияра.

Шахрияр, боясь навлечь на себя гнев более могущественного Махмуда, сказал, что он готов щедро оплатить стихи — по тысяче дирхемов за... каждую вычеркнутую строчку сатиры.

Фирдоуси вычеркнул сатиру полностью.

СТОЛ ОТГАДОК

Помещаем ответы на вопросы августовского номера «Костра» («Бронзы звон, гранитная грань»).

1. Д'Артаньян
2. Дон-Нихот и Санчо Панса
3. Пиннокио (а не Буратино!)
4. Том Сойер и Гекльберри Финн
5. Русалочка

Ответы на сентябрьский выпуск («Случай в зоопарке») поместим в следующем номере.

Письма с отгадками продолжают поступать.

Понемногу определяются имена будущих возможных победителей.

Понемногу закупаются премии.

Те, кто еще не принял участие в конкурсе, — обращаемся к вам:

ПОКА ЕЩЕ ВСЕ В ВАШИХ РУКАХ.

Следите за Нашим Столом Загадок!

КОСтя ТЕРкин

Ю. Барский
Рисунок Ю. Лебедева

Вот что рассказала тетя Шура, уборщица в заводском клубе:

«Мне велено раньше времени никого в клуб не пускать, да ведь просятся. Вот и вчера четверых мальцов впустила. Привела в читальню.

Двое сели за шахматы, двое смотрят. А я отперла юннатскую, где убериумы, и прошла в техкабинет. Убираю там, слышу, в парадную стучат. Это наш Коля Морозов — рыбок кормить. Открыла ему, а двое, которые играли — уйти хотят. Выпустила, захожу в читальную. Вдруг Коля вбегает, как угорелый!

— Тетя Шура! А кто в юннатской был? Телескопа из аквариума вытащил, на пол бросил! Он сейчас чуть жив.

— Никто, — говорю, — там не был. Юннатская со вчерашнего на ключе. — И тут мне будто в голову ударило: — Неужели, — говорю, — пока я в кабинете убирала?! То-то, поди, эти двое, разбойники бесстыжие, и удрали. И не отыграли партию свою.

На доске шахматы вот так стояли: — И вовсе они не удрали, — сказал тут один из двоих, что остались. Беленький такой, шуплый. — И партию свою закончили.

— Закончили? — спросил Коля.

— Да. Который белыми играл, длинный, только показал, что об-

явит шах ферзем на с6 и заберет ладью, а другой сдался.

Потом длинный сказал, что еще лучше не шаховать ферзем на с6 и ладью брать, а сразу мат в два хода дать. А откуда они и не выходили.

— Откуда не выходили, — поддакнул второй малец. — Они играли. А... а вот он — выходил, — показал он на беленького.

— Я? Это ты! Сам выходил, а на меня сваливает!

— Вот как дам сейчас, чтобы не врал!

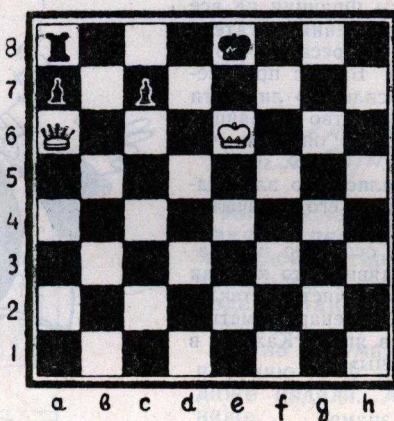

Рисунок на обложке Т. Ксенофонтова
На четвертой вклейке рисунок В. Фомина

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пактелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-457-76

М-13398.

Подписано к печати 14/IX 1965 г.

Формат 84×108/16.
Заказ № 1766.

Печ. л. 8+1.

6.57 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Тут они ругань подняли и кулаками завертели, и каждый доказывает, что выходил не он, а другой. А Коля все смотрел на доску, а потом как крикнет:

— Замолчите вы! Кто будет орать — поймет дело со мной!

Оба и умолкли: иметь дело с Колей не больно-то удовольствие. Он у нас во какой!

— Отвечайте мне, — приказал Коля. — Вот ты! Ты все время смотрел за их игрой?

— Все время, — сказал беленький.

— А ты?

— Я-то все время! — сказал и другой.

— Значит, оба. Очень хорошо. А тот, длинный, показывал, как тут дать мат в два хода?

Опять оба поддакнули. Я и уборку бросила, стою и смотрю. Думаю: к чему это Коля ведет? А он:

— Вот скажи ты. Правильно тот показал? Есть мат в два хода?

— Правильно, — ответил беленький.

— А ты как считаешь?

— Он неправильно показывал. Забыл, что черные рокировать могут, — сказал чернявенький.

— А, может, король или ладья ходили?

— Не ходили. Видно ведь: на местах стоят.

— А вот и ходили. Черные королем ходили, я видел! — закричал беленький.

— Не ходили! — наперекор орет чернявый. — Ни королем, ни ладьей не ходили! Я всю игру следил!

Стали они опять шуметь, да тут Коля велел одному пройтись с ним на улицу побеседовать. И, видно, крепко с ним «потолковал», аж сам всклокоченный вернулся. Одно скажу: Коля зря ни с кем «толковать» не станет. А вот как он определил, кто из них телескопа вытащил, не пойму!»

Кто из вас, ребята, объяснит это тете Шуре?

ВЕСЕЛАЯ ЧЕПУХА

Рисунки
Г. Ковенчука

КАК ЗОВУТ ДВОРНИКА И СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ?

ЗАГАДКА

Двадцать догоняют двадцать —
бедным некуда деваться.
Десять настигают пять,
и пяти не убежать.

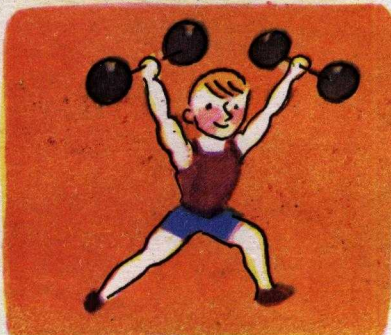
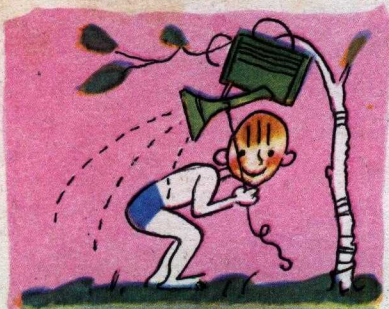
ОТГАДКА

Пять мышей
без ушей
убегают от пяти котов
без хвостов.

Собираясь на рыбалку,
рыбаки кое-что захвати-
ли с собой по ошибке.
Что именно?

43 с/р 10

Рисунки В. Гальбы

НА ЗАРЯДКЕ, НА ЗАРЕ

На зарядке,
На заре —
На Двине
И на Днепре,
Миллионы —
Как один —
Утро начинают;
От Кавказа
До Хибин
Плечи расправляют!

Вдох и выдох!..
Вдох и выдох!..
До морей
До ледовитых
Ты лети,
Дыханье
Наше великанье!

Поднимаем руки—
Вырос лес упругий,
Неоглядный вырос лес
Миллионорукий!

Кровь отлично разогрета.
А теперь держись, планета!
Скок-поскок!
Скок-поскок!
Раз-два! Три-четыре!
Скачет пол
И потолок
У меня в квартире.

А в окне-то —
Посмотри!
Скачут липы,
Фонари.
Скачет мостовая,
Люди
И трамваи!

В заключение — бег на месте.
Эй, повертим Землю вместе!
Оттолкни ее
Ногой,
Подтолкни ее
Другой,—
Торопи планету
На восток,
К рассвету!

Сергей Погореловский